

Голос

Автор:

[Кристина Далчер](#)

Голос

Кристина Далчер

100 слов в день.

Такой лимит устанавливает государство для каждой женщины в США. Каждая женщина обязана носить браслет-счетчик, и, если лимит будет превышен, нарушительница получит электрический разряд.

Вскоре женщин лишают права работать. Девочек перестают учить читать и писать в школах. Их место теперь – у домашнего очага, где они молчаливо должны подчиняться мужчинам.

Такая же судьба ждет и доктора Джин Макклеллан, которая должна теперь оставить научную карьеру, лабораторию, важные эксперименты. Но случай заставит ее побороться за возвращение голоса – своего, своей дочери и всех остальных женщин.

Кристина Далчер

Голос

Christina Dalcher

VOX

Copyright © Christina Dalcher, 2018 This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

В память о Чарли Джонсе, лингвисте, профессоре, друге

Слова благодарности

Один человек по имени Стивен Кинг как-то сказал: «Никто не пишет длинный роман в одиночку». Мне было лет десять, когда я впервые прочла эти слова в самом начале «Salem's Lot»[1 - Роман Стивена Кинга, в русском переводе называется «Жребий» (1975). - Здесь и далее прим. перев.]. Но они и сегодня полностью соответствуют действительности.

Роман «Голос» родился при участии многочисленных матерей и отцов, и каждого из них я должна поблагодарить.

Во-первых, я благодарна своему литературному агенту Лоре Брэдфорд за честность, ясный ум, доброжелательность и постоянную готовность подбодрить. Ни один писатель не пожелал бы для своих творений лучшего защитника.

Я благодарна также: моему американскому издателю, Синди Хван из Беркли, а также моему британскому издателю, Шарлотте Мёрселл из штаб-квартиры «HarperCollins»; и обеим командам этих издательств за проявленный ими поистине свирепый энтузиазм.

Спасибо моим первым читателям, Стефании Хаттон и Калебу Эштерлинг, за то, что они с такой скоростью прочли этот роман, написанный всего за два месяца, и помогли ему по-настоящему засиять.

Спасибо Джоанне Мерриэм из «Upper Rubber Boot Books». Без ее личного звонка о приеме рукописи на рассмотрение в антологии «Broad Knowledge: 35 Women Up to No Good» история доктора Джин Макклеллан могла бы никогда не увидеть свет.

Я также благодарна Эллен Брайсон, Кайле Понграк и Софии ванн Льюин, которые подвергли эту историю внимательной и острой критике, а затем велели мне продолжить работу.

Спасибо многочисленным авторам флеш-фикшн и издателям, которые столько лет кричали о моей работе, чем и оказали мне неоценимую поддержку. Вы все знаете, кого я имею в виду.

Я благодарна и тебе, дорогой читатель, ибо ты последним оценишь эту историю. Я очень надеюсь, что тебе она понравится. Мало того, я надеюсь, что она немножко разозлит тебя. А еще я надеюсь, что она заставит тебя думать.

И, наконец, спасибо моему мужу Брюсу, который поддерживает меня почти во всем, что я делаю. И никогда, никогда не говорит, что я слишком много болтаю.

Глава первая

Если бы кто-то сказал мне, что я за какую-то неделю сумею свергнуть нашего президента, положить конец Движению Истинных, а также уничтожить такую бездарь и ничтожество, как Морган ЛеБрон, я бы ни за что не поверила. Но спорить не стала бы. Я бы вообще ничего не сказала.

Потому что с некоторых пор мне, женщине, разрешено произносить лишь несколько слов.

Вот и сегодня вечером за ужином, прежде чем я успеваю использовать последние из отпущенных мне на день слов, Патрик выразительным жестом стучит по тому проклятому серебристому устройству, что красуется у меня на левом запястье. Этим жестом он как бы говорит, что полностью разделяет мою беду, а может, просто хочет напомнить, чтобы я была осторожней и помолчала, пока ровно в полночь счетчик не обнулит показатели и не запустит новый отсчет слов. Обычно я уже сплю, когда осуществляется это магическое действие, так что и в этот раз вторник у меня начнется с девственно-чистого листа. То же самое произойдет и со счетчиком моей дочки Сони.

А вот мои сыновья счетчиков слов не носят.

И за обедом они обычно болтают без умолку, обсуждая всякие школьные дела.

Соня тоже учится в школе, но никогда не тратит драгоценные слова на разговоры о событиях минувшего дня. За ужином, поглощая приготовленное мною по памяти какое-нибудь примитивное рагу, Патрик задает Соне вопросы о том, каковы ее успехи на уроках домоводства, физкультуры и нового школьного предмета, который называется «Основы домашней бухгалтерии». Слушается ли она учителей? Будут ли у нее в этой четверти высокие оценки? Патрик точно знает, какие именно вопросы следует задавать девочке: очень понятные и требующие однозначного ответа – либо кивка, либо отрицательного качания головой.

Я наблюдаю за ними, слушаю и невольно так впиваюсь ногтями себе в ладони, что там остаются красные полумесяцы. Соня кивает или качает головой в зависимости от вопроса и недовольно морщит носик, когда ее братья, наши юные близнецы, не понимая, как важно задавать вопросы, требующие только да/нет или же максимально краткого ответа из одного-двух слов, пристают к ней с расспросами о том, хорошие ли у нее учителя, интересные ли уроки и какой школьный предмет ей нравится больше всего. То есть обрушивают на нее лавину вопросов с открытым концом. Мне не хочется думать, что близнецы нарочно искушают сестренку, или дразнят ее, или пытаются поймать на крючок, заставляя произносить лишние слова. Но с другой стороны, им ведь уже одиннадцать лет, и они бы должны были все понимать, поскольку видели, что с нами бывает, если мы выходим за пределы отпущенного нам лимита слов.

У Сони начинают дрожать губы, она смотрит то на одного близнеца, то на другого, а ее розовый язычок, невольно высунувшись, начинает нервно

облизывать пухлую нижнюю губу – ведь язык как бы обладает своим собственным разумом, не желающим подчиняться закону. И тогда Стивен, мой старший сын, протянув через стол руку, нежно касается указательным пальцем губ сестренки.

Я могла бы сформулировать близнецам то, чего они не понимают: все мужчины теперь выступают единым фронтом в том, что касается школьного обучения. Однонаправленная система. Учителя говорят. Ученики слушают. Это стоило бы мне восемнадцати слов.

А у меня осталось всего пять.

– Как у нее обстоят дела с запасом слов? – спрашивает Патрик, мотнув подбородком в мою сторону. И тут же перестраивает свой вопрос: – Она его расширяет?

Я только плечами пожимаю. К своим шести годам Соня должна была бы иметь в своем подчинении целую армию из десяти тысяч лексем, и это маленькое индивидуальное войско мгновенно строилось бы и вставало по стойке «смирно», подчиняясь приказам ее все еще очень гибкого и восприимчивого мозга. Должна была бы, если бы пресловутые школьные «три R»^{[2} - На американском школьном сленге «three R's» (reading, 'riting, 'rithmetic) означают «чтение, письмо, счет», то есть основу школьных знаний.] ныне не были сведены к одному: самой примитивной арифметике. В конце концов, как ожидается, в будущем моей подростковой дочери суждено всего лишь ходить в магазины и вести домашнее хозяйство, то есть играть роль преданной, послушной долгу жены. Для этого, разумеется, нужна какая-то самая примитивная математика, но отнюдь не умение читать и писать. Не знание литературы. Не собственный голос.

– Ты же специалист по когнитивной лингвистике, – говорит мне Патрик, собирая грязные тарелки и заставляя Стивена ему помогать.

– Была.

– И есть.

Вроде бы за целый год я должна была бы уже привыкнуть, но иной раз все же слова как бы сами собой вырываются наружу, прежде чем я успеваю их остановить:

- Нет! Больше уже нет.

Напряженно слушая, как мой счетчик тиканьем отсчитывает еще четыре слова из последних пяти, Патрик хмурится. Это тиканье гулким эхом, точно зловещие звуки военного барабана, отдается у меня в ушах, а счетчик на запястье начинает неприятно пульсировать.

- Довольно, Джин, остановись, - предостерегает меня Патрик.

Мальчики тревожно переглядываются; их беспокойство понятно: они хорошо знают, ЧТО случается, когда мы, женщины, выходим за пределы разрешенного количества слов, обозначаемого тремя цифрами. Один, ноль, ноль. 100. И это неизбежно произойдет снова, когда я произнесу свои последние за этот понедельник слова - а я непременно скажу их своей маленькой дочери хотя бы шепотом. Но даже эти несчастные два слова - «спокойной ночи» - не успевают сорваться с моих губ, ибо я встречаюсь с умоляющим взглядом Патрика. Умоляющим...

Я молча хватаю Соню в охапку и несу в спальню. Она теперь уже довольно тяжеленькая и, пожалуй, великовата, чтобы носить ее на руках, но я все-таки несу, крепко прижимая ее к себе обеими руками.

Соня улыбается мне, когда я укладываю ее в постель, накрываю одеялом и подтыкаю его со всех сторон. Но, как и всегда теперь, никаких историй перед сном, никакой Доры-исследовательницы, никакого медвежонка Пуха, никакого Пятачка, никакого Кролика Питера и его неудачных приключений на грядке с латуком у мистера МакГрегора. Мне становится страшно при мысли о том, что Соня уже научилась воспринимать все это как норму.

Я без слов напеваю ей мелодию колыбельной, где вообще-то говорится о птичках-пересмешниках и козлятах, хотя я очень хорошо помню слова этой песенки, у меня и сейчас стоят перед глазами прелестные картинки из книжки, которую мы с Соней в прежние времена не раз читали.

Патрик застыл в дверях, глядя на нас. Его плечи, когда-то такие широкие и сильные, устало опущены и напоминают перевернутую букву «V»; и на лбу такие же опущенные книзу глубокие морщины. Такое ощущение, словно все в нем обвисло, устремилось вниз.

Глава вторая

Оказавшись в спальне я, как и во все предыдущие ночи, немедленно заворачиваюсь в некое невидимое одеяло из слов, воображаю, будто читаю книгу, разрешая своим глазам сколько угодно скользить в танце по возникающим перед глазами знакомым страницам Шекспира. Но иной раз, подчиняясь пришедшей в голову прихоти, я выбираю Данте, причем в оригинале, наслаждаясь его статичным итальянским. Язык Данте мало изменился за минувшие столетия, однако я сегодня с изумлением обнаруживаю, что порой лишь с трудом пробиваюсь сквозь знакомый, но подзабытый текст – похоже, я и родной язык несколько подзабыла. А интересно, думаю я, каково придется итальянкам, если наши новые порядки когда-нибудь станут международными?

Возможно, итальянки станут еще более активно прибегать к жестикуляции.

Однако шансы на то, что наша болезнь распространится и на заморские территории, не так уж велики. Пока наше телевидение еще не успело стать государственной монополией, а нашим женщинам еще не успели напялить на запястья эти чертовы счетчики, я всегда старалась смотреть разнообразные новостные программы. Аль-Джазира, Би-би-си и даже три канала итальянской общественной телекомпании RAI; да и на других каналах время от времени бывали различные интересные ток-шоу. Патрик, Стивен и я смотрели эти передачи, когда младшие уже спали.

– Неужели мы обязаны это смотреть? – стонал Стивен, развалившись в своем любимом кресле и держа в одной руке миску с попкорном, а в другой – телефон.

А я только прибавляла звук.

– Нет. Не обязаны. Но пока еще можем. – Никто ведь не знал, долго ли еще эти передачи будут доступны. Патрик уже поговаривал о преимуществах кабельного телевидения, хотя и эти телекомпании висели буквально на ниточке. – Кстати, Стивен, такая возможность есть уже далеко не у всех. – Я не стала прибавлять: Вот и радуйся, что у тебя она пока есть.

Хотя радоваться было особенно нечему.

Практически все эти ток-шоу были похожи друг на друга как две капли воды. И день за днем их участники над нами смеялись. Аль-Джазира, например, называла господствующий в нашей стране порядок «новым экстремизмом». У меня это могло бы, пожалуй, вызвать улыбку, но я уже и сама понимала, как много в этом названии правды. А британские политические пандиты только головой качали и думали, явно не желая говорить этого вслух: Ох уж эти сумасшедшие янки! А теперь-то они что творят? Итальянские эксперты, отвечая на вопросы сексапильных интервьюерш – все эти девицы выглядели полуодетыми и чрезмерно размалеванными, – сразу начинали кричать, крутить пальцем у виска и смеяться. Да, они смеялись над нами. Говорили, что нам необходимо расслабиться, а то мы в итоге придем к тому, что наши женщины будут вынуждены носить головные платки и длинные бесформенные юбки. На одном из итальянских каналов показали весьма непристойный скетч о содомии, в котором двое мужчин в пуританской одежде занимались любовью. Неужели жизнь в Соединенных Штатах действительно представлялась им именно такой?

Не знаю. В Италию я в последний раз ездила еще до рождения Сони, а теперь у меня и вовсе нет никакой возможности туда поехать.

Наши загранпаспорта были аннулированы еще до того, как нам запретили говорить.

Тут, пожалуй, следует пояснить: паспорта аннулировали не у всех.

Я выяснила это в связи с самыми что ни на есть насущными обстоятельствами. В декабре я обнаружила, что у Стивена и близнецов истек срок загранпаспортов, и пошла в Интернет скачать заявки на три новых паспорта. Соне, у которой вообще еще не было никаких документов, кроме свидетельства о рождении и книжечки с отметками о сделанных прививках, требовалась иная форма.

Обновить паспорта мальчикам оказалось легко; все было точно так же, как и всегда с документами для Патрика и для меня. Когда же я кликнула заявку на новый паспорт для себя и на паспорт для Сони, то меня отослали на некую страницу, которой я никогда прежде не видела, и там был задан только один-единственный вопрос: Является ли подающий заявку мужчиной или женщиной?

Я глянула на Соню, игравшую с набором разноцветных кубиков на ковре в моем так называемом кабинете, и выбрала квадратик со словом женщина.

- Красный! - крикнула Соня, подняв глаза на экран.

- Да, дорогая, - сказала я. - Это красный цвет. Очень хорошо. А как еще можно сказать?

- Алый!

- Отлично.

И она тут же продолжила сыпать синонимами:

- Малиновый! Вишневый!

- Молодец! Ты все прекрасно поняла, детка. - И я, погладив ее по голове, бросила на ковер еще один набор кубиков. - А теперь попробуй подобрать оттенки синего цвета.

Вновь повернувшись к компьютеру, я поняла, что в самый первый раз Соня имела в виду не кубики; просто она правильно назвала цвет надписи на экране. Слова действительно были написаны ярко-красным. Красным, как гребаная кровь!

Пожалуйста, свяжитесь с нами по телефону, указанному ниже. Или можете написать нам по адресу: applications.state.gov. Спасибо!

Я минимум раз десять пыталась дозвониться по указанному номеру, потом мне это надоело, и я отправила e-mail, но ответа мне пришлось ждать еще дней десять. Точнее, я получила нечто вроде ответа: в полученном мной через полторы недели электронном письме говорилось, что мне нужно посетить местный паспортный стол.

– Могу я вам чем-то помочь, мэм? – осведомился чиновник, когда я нарисовалась перед ним с Сониным свидетельством о рождении в руках.

– Можете, если именно вы занимаетесь оформлением загранпаспортов. – И я просунула все необходимые документы в щель под щитком из плексигласа.

Чиновник – на вид ему вряд ли было больше девятнадцати – тут же их схватил и попросил меня подождать.

– Ой, – торопливо сказал он, почти сразу вернувшись обратно, – мне же еще и ваш паспорт нужен. На минутку. Просто чтобы копию сделать.

Затем мне сказали, что Сонин паспорт будет готов лишь через несколько недель. Но так и не сообщили, что мой собственный паспорт уже недействителен.

Это я выяснила значительно позже. А Соня никакого паспорта так и не получила.

В самом начале кое-кому еще удавалось выбраться. Некоторые попросту переходили через канадскую границу; другие на лодках добирались до Кубы, Мексики, островов. Однако власти довольно быстро установили повсюду пункты проверки, ну а стена, отделявшая Южную Калифорнию, Аризону, Нью-Мексико и Техас от Мексики, уже и так была давно построена, так что исход населения вскоре практически прекратился.

– Мы не можем допустить, чтобы наши граждане, наши матери и отцы, целиком наши семьи бежали за границу, – заявил президент в одном из своих первых обращений к народу.

Я и сейчас думаю, что и мы вполне успели бы сбежать, если бы мы с Патриком были только вдвоем. Но когда у вас четверо детей и младшая девочка еще

совсем не понимает, что при виде пограничников нельзя вертеться в автомобильном креслице и радостно щебетать «Канада!»... – нет, теперь это оказалось совершенно невозможно.

Так что сегодня никаких особо приятных фантазий на тему итальянского языка у меня не возникло – особенно после пробудившихся горьких мыслей о том, как легко они сумели заставить нас жить в собственной стране точно в тюрьме. А тут еще и Патрик лег рядом, обнял меня и сказал, чтобы я постаралась поменьше думать о том, как все было раньше.

Как все было раньше...

А ведь раньше мы частенько допоздна засиживались за разговорами. Раньше мы по выходным с утра долго валялись в постели, отложив домашние дела на потом и читая воскресные газеты. Раньше мы устраивали коктейли, званые обеды, а летом, если была хорошая погода, устраивали барбекю. Раньше мы играли в карты – сперва в «Spades» и бридж, а потом, когда дети достаточно подросли, чтобы отличать пятерку от шестерки, вместе с ними играли в «War and go fish».

Что же касается непосредственно меня, то у меня раньше были подруги, с которыми мы регулярно где-нибудь встречались и устраивали девичники, которые Патрик в шутку называл «праздник в курятнике». Но я знала, что это он говорит любя, просто мужчинам нравится пользоваться такими пренебрежительными выражениями. Во всяком случае, я себя убеждала, что это именно так.

Раньше у нас были книжные клубы, и мы встречались с друзьями в кофейнях и спорили о политике в винных барах, потом, правда, подобные споры переместились в подвалы – так сказать, наша версия того, как в Тегеране читали «Лолиту». И Патрик никогда, насколько я знаю, не возражал против моих еженедельных исчезновений, хотя порой и подшучивал над нашими политическими дебатами, но вскоре оказалось, что подшучивать больше не над чем. Хотя мы, по его словам, были именно теми голосами, которые невозможно заглушить.

Ну что ж. Пожалуй, хватит о надежности и непогрешимости Патрика.

Глава третья

Когда все это началось – но задолго до того, как кто-либо из нас сумел себе представить, что таит ближайшее будущее, – среди моих знакомых оказалась одна провидица из числа самых громкоголосых. Ее звали Джеки Хуарес.

Думать о Джеки мне сейчас не очень хочется, но память мне не подчиняется, и время вдруг словно поворачивает вспять, и я возвращаюсь года на полтора назад, в те дни, что наступили сразу после инаугурации. Я снова сижу у нас в гостиной и тщетно пытаюсь убедить мальчишек смеяться потише, чтобы не разбудить Соню, и Стивен, входя в гостиную с тремя плошками с мороженым в руках, замечает:

– Между прочим, эта тетка в телевизоре – полная истеричка.

Истеричка. Я это слово ненавижу.

– Как ты сказал? – поворачиваюсь к нему я.

– Женщины вообще ненормальные, – продолжает он. – Это же давно известно, мам. Ты же сама знаешь эти поговорки насчет женских истерик и припадков в стиле «я-же-мать».

– Что-что? – еще больше удивляюсь я. – Где это ты такого наслушался?

– Сегодня в школе. А еще я читал книжку одного типа по фамилии то ли Кук, то ли Крук. Как-то так. – Стивен раздает плошки с мороженым. – Черт! Одна порция меньше. Мам, ты хочешь поменьше или побольше?

– Поменьше. – Я еще не перестала сражаться с лишним весом, пополнев во время последней беременности.

Стивен удивленно округляет глаза, и я говорю:

– Да-да. погоди, вот стукнет тебе сорок с лишком, тогда посмотрим, какой у тебя будет метаболизм. И с чего это ты взялся за Крука? [3 - Хелкайя Крук (Helkia)

Crooke) (1576–1648) – придворный врач английского короля Якова I. Его наиболее известная книга «Mikrokosmographia, a Description of the Body of Man» (1605).] Я не предполагала, что «Описание человеческого тела» входит в обязательную программу старших классов. – Я сунула в рот первую ложку мороженого с миндалем «Роки роуд» – моей порции хватило бы, пожалуй, разве что мышонку укуса на три. – Даже если иметь в виду программу AP по литературе[4 - Advanced Placement – экзамен, позволяющий перейти из колледжа в вуз; программа для поступающих в вузы.].

– А ты посмотри программу AP по религиоведению, мам, – предлагает мне Стивен. – И потом, какая разница, Кук или Крук?

– Вся разница в букве «р», деточка. – И я снова поворачиваюсь к телевизору. Там на экране снова та разгневанная женщина.

Она и раньше не раз выступала по телевидению, гневно вещая насчет неравенства в оплате труда и неких прозрачных, но непроницаемых перегородок между мужчинами и женщинами, и постоянно цитировала свою последнюю книгу. Книга носила весьма «духоподъемное», прямо-таки взывающее к Судному дню название: «Они заткнут нам рот». С подзаголовком: «Что вам необходимо знать о патриархате и вашем голосе». И на обложке множество разнообразных кукол, выполненных в роскошных цветах «Техниколор» – от целлулоидных голышей до Барби и «тряпичной Энни»[5 - Тряпичная кукла, созданная американским писателем Джонни Груэллом, 1880–1938, в качестве иллюстрации для серии его книг «История тряпичной Энни».], – и все с выпученными глазами, и у каждой отфотошопленный рот заткнут мячиком-кляпом.

– Жуть какая, – говорю я Патрику.

– Да, это уж, пожалуй, чересчур, тебе не кажется? – Он с вождением смотрит на мое почти растаявшее мороженое. – Ты будешь это есть?

Я тут же отдаю ему плошку, продолжая смотреть на экран телевизора. Что-то в этих мячиках-кляпах меня тревожит – тревожит, пожалуй, даже сильнее, чем «тряпичная Энни», у которой красный мячик приклеен к лицу полосками скотча.

По-моему, все дело именно в этой букве «Х». Эти черные «иксы» с кроваво-красной сердцевинкой, пересекающие лицо каждой куклы, похожи на те покрывала, какие носят мусульманские женщины. Эти покрывала скрывают почти все лицо, кроме глаз. Что ж, возможно, цель именно такова.

Автор этой книги – Джеки Хуарес; у нее вышло и еще с полдюжины книг, и все с такими же пронзительными – железом по стеклу – названиями; например, «А ты заткнись и сядь, босая и беременная: Какой хотят тебя видеть религиозные правые», или – это самое любимое название Патрика и Стивена – «Ходячая матка». Рисунок на обложке последней книги просто чудовищен.

В данный момент я вижу, что Джеки сердито кричит на интервьюера, которому, видимо, не следовало произносить слово «феминаци».

– Вы хоть понимаете, что получится, если убрать корень слова «феминистка» из вашего «феминаци»? – И, не дожидаясь ответа, Джеки снова кричит: – «Наци»! Вот что у вас получается. Так вам нравится больше?

Интервьюер не отвечает, он совершенно растерялся.

А Джеки, не обращая на него внимания и уставившись своими безумными, сильно накрашенными глазами прямо в камеру, кричит, и мне кажется, что смотрит она прямо на меня.

– Дамы, вы понятия не имеете! Вы, черт возьми, даже не задумываетесь о том, что мы уже ступили на скользкий склон, по которому очень скоро скатимся к совсем уж доисторическим временам и нравам. Ей-богу, девочки, вам стоит об этом подумать! Подумать о том, где окажетесь вы – и ваши дочери! – когда те, кто нами правят, запустят время вспять. Подумать о выражениях «с дозволения супруга» и «с согласия отца». Подумать о том, что, проснувшись однажды утром, вы обнаружите, что у вас ни в чем нет права голоса. – После каждого предложения Джеки делает выразительную маленькую паузу и крепко стискивает зубы.

Патрик целует меня, желая спокойной ночи.

– Я пойду, детка. Мне завтра вставать ни свет ни заря. Деловой завтрак с одним большим человеком сама знаешь где. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, милый.

– Господи, дали бы ей таблетку успокоительного, – бурчит Стивен, но на экран по-прежнему смотрит. Теперь у него на коленях пакет с чипсами «Дорито», и он прилежно ими хрустит, сует в рот по пять штук разом, а я, глядя на него, с завистью думаю, что быть подростком не так уж и плохо.

– Заедаешь мороженое чипсами, деточка? – издевательским тоном замечаю я. – У тебя же вся физиономия прыщами пойдет.

– Десерт чемпионов, ма. Слушай, может, нам что-нибудь другое посмотреть, а? Меня эта тетка просто в тоску вгоняет.

– Да, конечно. – Я сую ему пульт, и Джеки Хуарес умолкает, сменившись всего лишь повтором сериала «Династия Дак».

– Ей-богу, Стив... – Я с отвращением вижу, как на экране один бородатый человек-гора в камуфляже сменяет другого, философически рассуждая о политике.

– Да-а. Они что там, совсем охренели?

– Лучше сказать «спятили», «сошли с ума». Следи за своим языком, пожалуйста.

– Да я же просто так, мам. Господи! Да ведь таких людей и на свете-то не бывает.

– А ты в Луизиане никогда не бывал? – Я отнимаю у него пакет с чипсами. – Отдай. Все мое мороженое твой папочка слопал.

– Мы же ездили в Новый Орлеан на Mardi Gras[б - Жирный вторник (фр.) – празднуется за день до начала Великого поста; часто отмечается карнавалом.] два года назад. Знаешь, мам, я начинаю тревожиться насчет твоей памяти.

– Новый Орлеан – это не Луизиана.

А может, и Луизиана, думаю я. Если хорошенько задуматься, то велика ли разница между каким-то мерзавцем из глубинки, советующим мужчинам жениться на девочках-подростках, и толпой костюмированных пьяниц, готовых обвалить в перьях любую девушку или женщину, показавшуюся на Сент-Чарлз-авеню с недостаточно прикрытой грудью?

Да нет, пожалуй, разница не слишком велика.

А здесь, на экране, на расстоянии пятисекундного переключения, представлена вся страна: Джеки Хуарес в деловом костюме, но при боевой раскраске, проповедует страх; а эти люди в военной форме проповедуют ненависть. Или, может, наоборот? Но, по крайней мере, люди в военной форме не пялятся на меня с экрана и не бросают мне в лицо обвинения.

Стивен, приканчивая вторую банку колы и вторую ложку с мороженым – нет, не совсем так, потому что ложку он куда-то дел и теперь ложкой вычерпывает остатки мороженого прямо из ведерка, – объявляет, что идет спать.

– Завтра у нас на подготовительных занятиях тест по религиоведению.

Когда это было, чтобы второкурсников уже начинали готовить по программе для поступления в вузы? И почему Стивен не выбрал что-нибудь полезное вроде биологии или истории? Я задаю ему оба эти вопроса.

– Курс по религиоведению у нас только что ввели. Его предлагали всем, даже первогодкам. По-моему, его на будущий год введут в список основных дисциплин. Так или иначе, – продолжает он уже из кухни, – в этом году у меня уже не будет времени ни на биологию, ни на историю.

– Что же это все-таки за курс такой? Вы там сравнительной теологией занимаетесь? Это, на мой взгляд, было бы еще терпимо – даже в школе.

Стивен, уже успевший натянуть ночную рубашку, снова плетется в гостиную – на этот раз с шоколадным печеньем.

– Не. Больше похоже... ну, я не знаю... на философию христианства, что ли. В общем, пока, мам, спокночи. Люблю тя. – Он запечатлевает на моей щеке

поцелуй и исчезает в коридоре.

А я снова включаю Джеки Хуарес.

Вообще-то в жизни она раньше была куда более симпатичной, а сейчас просто невозможно понять, что с ней произошло: то ли она успела так пополнеть после института, то ли телекамера прибавляет ей пресловутые десять фунтов. Слой профессионального грима и тщательно уложенные волосы делают Джеки какой-то усталой, словно все эти минувшие двадцать лет гнева постепенно отпечатывались у нее на лице, прокладывая тут морщину, там тень.

Я догрызаю последний ломтик «Дорито», слизываю с пальцев соль, затем закрываю пакет и отставляю его подальше от себя.

А Джеки все смотрит прямо на меня своими холодными глазами, которые ничуть не изменились. И взгляд у нее обвиняющий.

Не нужны мне ее обвинения! Они и двадцать лет назад не были мне нужны, и теперь тоже, но я хорошо помню тот день, когда они начались. Именно с того дня наша с Джеки дружба и стала постепенно сходить на нет.

– Ты ведь пойдешь на митинг, Джин? – Джеки стояла – без бюстгальтера, на лице ни капли косметики – в дверях моей комнаты, а я валялась на диване, обложившись доброй половиной всех имевшихся в университетской библиотеке книг по нейролингвистике.

– Не могу. Времени нет.

– Да ты что, совсем охренела? Этот митинг куда важнее каких-то дурацких исследований по проблемам афазии. Может, тебе все-таки стоит сосредоточиться на людях, которые существуют рядом с тобой?

Я задумчиво смотрела на нее, слегка склонив голову к правому плечу в некоем молчаливом вопросе.

– Ну, ладно. Ладно. – Она подняла руки вверх. – Люди с афазией тоже существуют с нами рядом. Извини. Я просто пытаюсь тебе объяснить: та штука,

что происходит сейчас с Верховным судом, это ведь и есть наше сейчас. – Джеки всегда называла всевозможные политические события – выборы, номинации, подтверждения, выступления, да все, что угодно, – «штуками» или «штуковинами». Эта штука с Верховным судом. Его выступление – это такая штуковина... Вся эта штуковина с выборами. Иногда меня это просто в бешенство приводило. По-моему, ей, социолингвисту, стоило бы все-таки потратить иной раз полчаса и немного поработать над собственным словарем.

– Ну, так или иначе, – сказала она, – а я в любом случае туда пойду. Можешь потом сказать мне спасибо, если Сенат подтвердит присутствие Грейс Марри в своих рядах. Кстати, если тебе интересно, то она сейчас в Сенате единственная женщина. – И Джеки вновь принялась рассуждать о том, какую «штуку» учудили «эти гребаные умники-женоненавистники на слушаниях два года назад».

– Спасибо, Джеки, все это очень интересно. – Я не сумела скрыть ядовитую усмешку.

Но Джеки и не думала улыбаться.

– Ну, ладно, ты права. – Я отпихнула от себя толстую тетрадь с конспектами, а карандаш воткнула в основание своего «конского хвоста». – Но, может, теперь ты все-таки наконец уйдешь и дашь мне, черт возьми, позаниматься? Иначе я экзамен по неврологии попросту завалю. В этом семестре нам его сдавать профессору Ву, а она, как известно, пленных не берет. Джо, например, уже пролетел. И Марк тоже. И Ханна. И эти две крошки из Нью-Дели – ну, знаешь, они еще вечно ходят, взявшись за руки, а от их задниц, наверно, навсегда след остался в библиотечном уголке для индивидуальных занятий? Это ведь совсем иное дело, чем сидеть каждый вторник на семинаре и травить анекдоты о разгневанных мужьях и печальных женах или обмениваться мнениями о том, является ли тинейджерский эсэмэс-язык явлением некой новой волны.

Джеки взяла одну из разбросанных по моему ложу библиотечных книг, раскрыла ее и прочла заголовки в начале страницы:

– «Этиология инсульта у пациентов с афазией Вернике»[7 - Афазия – расстройство речи при сохранности органов речи и слуха, обусловленное поражением коры больших полушарий головного мозга; при моторной афазии утрачивается способность говорить, но сохраняется понимание речи; при

сенсорной афазии нарушается понимание речи, а способность произносить слова и фразы часто сохраняется. Далее речь будет идти именно о сенсорной афазии, афазии Вернике. Карл Вернике, 1848–1905 – немецкий ученый-невролог; зона Вернике – зона коры головного мозга, участвующая в работе с информацией, связанной с речью; расположена в заднем отделе верхней височной извилины доминантного полушария мозга; сенсорная речевая зона.]. Очень увлекательно, Джин! – Она бросила книжку на плед, и та приземлилась с глухим стуком.

– Да, это и впрямь увлекательно.

– Ну вот и отлично! Продолжай торчать здесь, спрятавшись в свой маленький научный пузырь, а мы, все остальные, пойдем на митинг. – Джеки снова схватила ту же книжку, нацарапала пару строчек на внутренней стороне задней обложки и снова швырнула на плед. – Это просто на тот случай, если у тебя вдруг найдется минутка, чтобы обратиться к своим сенаторам, девочка в пузыре.

– А мне в моем пузыре нравится! – рассердилась я. – И это, кстати, библиотечная книга.

Но уж на это Джеки точно было плевать; ей сейчас, похоже, было бы до фени, даже если бы она изгадила Розеттский камень[8 - Базальтовая плита с параллельным текстом 196 г. до н. э. на греческом и древнеегипетском. С расшифровки Ф. Шампольоном, 1790–1832, иероглифического текста началось изучение древнеегипетских иероглифов.], размалевав его краской из баллончика.

– Ага. Еще бы тебе в нем не нравилось. Таким, как ты, белым феминисткам всегда нравится существование в созданных ими пузырях. У меня остается только одна надежда: вдруг кто-нибудь, просто проходя мимо, возьмет да и проткнет этот ваш пузырь! – С этими словами Джеки стремительно вылетела за дверь, унося с собой целый ворох разноцветных плакатов.

Когда срок аренды нашей квартиры подошел к концу, Джеки сказала, что возобновлять договор не хочет. Она и еще несколько женщин решили подыскать себе местечко в районе Адамс Морган[9 - Квартал на северо-западе Вашингтона в полутора милях от Белого дома, славится смесью различных культур и ночной

жизнью (молодежными клубами и т. п.).].

– Мне больше нравится там атмосфера, – сказала она мне. – С днем рождения, между прочим. А на будущий год тебе четверть века исполнится. Как сказала Мэрилин Монро, такие штуки заставляют девушку задуматься. Ну, желаю тебе всего наилучшего. И подумай, что тебе нужно сделать, чтобы оставаться свободной.

Она и подарок мне оставила; это был довольно странный набор всяких мелочей, как бы связанных общей темой. Внутри некой оболочки в виде большого пузыря был помещен пакет жвачки – такую дети, пожевав как следует, любят выдувать изо рта, а к каждой пластинке прилагался идиотский мультяшный рисунок, – затем там были бутылочка с розовым жидким мылом, к крышке которой была прикреплена пластмассовая палочка для выдувания мыльных пузырей, средство для чистки ванн (можете догадаться, какой фирмы), бутылочка калифорнийского игристого вина и упаковка из двадцати пяти воздушных шариков.

Вино я вечером выпила прямо из бутылки, а все двадцать пять шариков проткнула иголкой, даже не надувая. Все остальное сразу полетело в мусорное ведро.

Больше я ни разу с Джеки не разговаривала. Но в такие вечера, как, например, сегодняшний, я очень сожалею об этом. Возможно, тогда все те «штуковины», которые с успехом удалось проделать в нашей стране – выборы, номинация, конфирмация, новый правопорядок, – не привели бы к тому кошмару, который здесь воцарился сейчас.

Глава четвертая

Иногда я вывожу невидимые буквы у себя на ладони. Пока Патрик и мальчики разговаривают где-то с помощью собственных органов речи, я разговариваю с собой с помощью пальцев. Я кричу, я стенаю, я проклиная все на свете и непрерывно думаю о том, «как все было раньше», по выражению Патрика.

Ну а теперь у нас порядок такой: нам, женщинам, разрешено произносить сто слов в день. Все мои книги, даже старые детские книжки Джулии Чайлд, даже – вот уж ирония судьбы – рваная книжка в красно-белую клетку «Как сделать свой дом и сад еще красивее», которую одна моя подруга, сочтя это остроумной шуткой, преподнесла нам с Патриком в качестве свадебного подарка, заперты в шкафу, чтобы Соня ни в коем случае не могла до них добраться. А это означает, что и для меня они недостижимы. Ключи от шкафов и от своего кабинета Патрик всюду обязан носить с собой точно тяжелое бремя, от которого невозможно избавиться; порой мне кажется, что именно тяжесть этого бремени и заставляет его выглядеть старше своих лет.

Больше всего я скучаю по всяким мелочам: по кружкам с карандашами и ручками, которые стояли у нас в каждом углу, по блокнотам, засунутым между книгами по кулинарии, по висевшей рядом со шкафчиком для специй маленькой грифельной доске, где я писала список покупок, который потом можно было легко стереть. Я скучаю даже по моим старым магнетикам на холодильнике с разнообразными поэтическими цитатами, из которых Стивен, буквально умирая со смеху, любил составлять забавные итало-английские фразы. Все это исчезло, исчезло. Как исчез для меня и доступ к электронной почте.

Как и все остальное.

Впрочем, кое-какие жизненно необходимые мелочи, даже глупости, остались прежними. Я по-прежнему вожу машину, посещаю по вторникам и пятницам продуктовые магазины, иногда развлекаю себя шопингом и покупаю новые платья и сумочки, раз в месяц делаю прическу в салоне «Януцци». Нет, стрижку я не сменила – мне пришлось бы потратить слишком много драгоценных слов, объясняя Стефано, сколько отрезать здесь и сколько оставить там. Мое чтение «для удовольствия» ограничено текстом рекламных объявлений, предлагающих «самый последний и действенный» энергетический напиток, или списком ингредиентов на бутылке с кетчупом, или инструкцией для стирки того или иного изделия: например: «Не отбеливать».

Очень увлекательно.

По воскресеньям мы водим детей в кино и, разумеется, покупаем попкорн и содовую, а также маленькие прямоугольные коробочки с шоколадками, какие продаются только в кинотеатрах и никогда в магазинах. Соня всегда смеется, когда смотрит те мультики, которые крутят перед основным фильмом, пока

зрители не рассядутся по местам. Собственно, и меня фильмы несколько отвлекают от мыслей о реальной жизни; лишь во время просмотра фильма я слышу женские голоса, ничем не сдерживаемые и никак не лимитированные. Актрисам разрешено пользоваться дополнительным запасом слов, когда они на работе. Но, разумеется, произносимые ими слова роли написаны исключительно мужчинами.

В течение первых месяцев я действительно то и дело украдкой заглядывала в книгу, царапала коротенькие записки на коробке из-под овсяных хлопьев или на картонке из-под яиц, писала губной помадой любовные послания Патрику на зеркале в нашей ванной. У меня были серьезные основания, очень серьезные – Не думай о них, Джин, не думай о тех женщинах, которых видела тогда в продуктовом магазине! – чтобы продолжать писать записки хотя бы у себя дома. Но однажды утром к нам в ванную комнату неожиданно заглянула Соня и увидела на зеркале написанное губной помадой некое послание, которое она, впрочем, прочитать еще не могла, однако гневно возопила: «Буквы! Плохо!»

И с этого момента я стала писать записки только для себя и как бы внутри себя; я лишь изредка по вечерам решалась написать несколько слов Патрику, но только после того, как дети были уже уложены, а потом сразу сжигала разорванную на мелкие клочки записку в консервной банке. Но при Стивене – при таком Стивене, каким он стал в последнее время, – я никаких записок больше писать не рискую.

Патрик и мальчики, стоя на заднем крыльце возле моего окна, без конца болтают, обмениваясь новостями и всякими историями о школе и о политике, а вокруг в темноте вокруг дома неумолчно трещат кузнечики. Господи, как же много от них шума, от этих мальчишек и от этих кузнечиков! Просто оглохнуть можно.

Я слушаю их, и все мои собственные слова рикошетом отдаются у меня в голове, а потом вылетают изо рта тяжким бессмысленным вздохом.

Подумай, что тебе нужно сделать, чтобы оставаться свободной.

Что ж, если сделать хотя бы чуть больше, чем просто послать все к чертям собачьим, то и это может оказаться неплохой точкой отсчета.

Глава пятая

И Патрик ни в чем из этого не виноват. Вот что говорю я себе сегодня вечером.

Он ведь пытался высказать свое мнение по поводу всей этой концепции, когда она впервые прозвучала под сводами синего зала в некоем Белом доме на Пенсильвания-авеню. Я знаю, что пытался. Чувства собственной вины в его глазах просто нельзя было не заметить. Однако он никогда не мог настоять на своем мнении, даже если оно было абсолютно правильным; настойчивость и напористость никогда не были ему свойственны.

И уж точно не Патрик ратовал за избрание Сэма Майерса президентом во время предыдущих выборов. Этим активно занимался совсем другой человек, пообещавший, что, когда в следующий раз Майерс выставит свою кандидатуру, голосовать за него будет гораздо больше американцев. Этому человеку Джеки еще за несколько лет до избрания Майерса дала прозвище «святой Карл».

От президента требовалось только слушать его наставления и ставить свою подпись под всяким дерьмом – весьма небольшая плата за восемь лет пребывания в роли самого могущественного человека в мире. К тому же, когда его избрали президентом, подписывать нужно было уже не так уж много новых постановлений, ибо каждая деталь этого дьявольского плана была заранее проработана и, по сути дела, воплощена в жизнь.

Все началось где-то в цветущих южных штатах, известных под названием «библейский пояс», ибо там влияние религии всегда было наиболее сильным. И в итоге «пояс» превратился в «корсет», так что на свободе остались только «конечности» страны – демократические утопии Калифорнии, Новой Англии и тихоокеанского северо-запада, а также округ Колумбия и южные административные районы Техаса и Флориды – эти штаты располагались так далеко на синем краю спектра, что казались неприкасаемыми. Однако же «корсет» вскоре превратился в «скафандр», а идеи преподобного Карла добрались даже до Гавайев.

А мы все еще не замечали, что на нас надвигается.

Хотя такие, как Джеки, не только это заметили, но и принялись устраивать акции протеста. Сама Джеки, например, вместе с десятью членами группы «Атеисты за анархию» расположились возле университетского кампуса и стали выкрикивать нелепые пророчества типа Алабама сейчас, Вермонт следующий! Или лозунги: Неужели твое тело недостаточно Истинное? Джеки было начхать, что люди над ней смеются.

– Смотри, Джини, – говорила она мне, – в прошлом году в Сенате была двадцать одна женщина. Теперь же их там, в нашей гребаной святой святых, всего пятнадцать! – И Джеки, подняв руку, стала по очереди загибать пальцы. – Так, Западная Виргиния? Не переизбрана. Айова? Не переизбрана. Северная Дакота? Не переизбрана. Миссури, Миннесота и Арканзас вообще «по неизвестным причинам» своих кандидатов не выставляли. Значит, еще трое. Итак, количество женщин в Сенате с двадцати одного процента практически мгновенно уменьшилось до пятнадцати. И ходят слухи, что Небраска и Висконсин также склоняются к выдвижению таких кандидатов-мужчин, которые – я цитирую – «более всего блюдут интересы страны».

И, прежде чем я успела ее остановить, она переключилась на список женщин в палате представителей.

– С девятнадцати процентов скатились к десяти, да и эти десять сохранились лишь благодаря Калифорнии, Нью-Йорку и Флориде. – Джеки помолчала немного, желая убедиться, что я по-прежнему ее слушаю. – А где представительницы Техаса и Огайо? Где женщины из южных штатов? Их в нижней палате нет вовсе. Унесены гребаным ветром. Так-то, Джини. И неужели ты думаешь, что это скоро пройдет? Нет, дорогая, по-моему, мы уже к середине президентского срока Майерса вернемся к началу девяностых. А если представительство женщин в Сенате и Конгрессе еще уполовинят, то мы устремимся напрямиком в мрачные 1970-е.

– Ей-богу, Джеко, успокойся, иначе скоро совсем истеричкой станешь.

Ее слова пронзили меня, точно пучок отравленных стрел.

– Ну и стану. Кому-то давно пора биться в истерике из-за того, что здесь происходит.

Хуже всего было то, что Джеки ошиблась. Количество женщин в Конгрессе отнюдь не стало съезживаться постепенно с двадцати процентов до, скажем, пяти. Просто в течение последних пятнадцати лет там не осталось вообще ни одной женщины.

А уж к этим последним выборам мы достигли и вовсе немыслимых результатов, и предсказание Джеки насчет того, что скоро мы вернемся к началу 90-х, оказалось абсолютно верным – если, конечно, иметь в виду начало 1890-х годов. В Конгрессе были самые разнообразные представители, сладкие, как ванильное мороженое, но тех двух женщин, что еще занимали там некие посты, быстренько заменили мужчинами, которые, по выражению Джеки, «более всего блюдут интересы страны».

Библейский пояс был расширен, укреплен и превратился в «пояс верности».

Однако железному поясу был необходим еще и железный кулак, некая армия содействия. И в этом тоже Джеки оказалась провидицей.

– Ты погоди-погоди, Джини, – сказала она, когда мы с ней, стоя у открытого окна, единственного в нашей квартирке, курили дешевые гвоздичные сигаретки, – скоро сама поймешь. – И она указала на пять аккуратных рядов старшекласников, которые плечом к плечу маршировали во дворе. – Видишь этих ребяташек из ROTC?[10 - Reserve Officers Training Corps – мужские студенческие подготовительные подразделения в некоторых колледжах и университетах, готовящие студентов к службе в ВС.]

– Ну, вижу, и что? – Я выпустила в окошко облачко табачного дыма; рядом наготове стояла жестянка с «Лизолом» – на тот случай, если вдруг появится наша квартирная хозяйка.

– А то, что у пятнадцати процентов из них тот или иной душок баптизма. А двадцать процентов заражены католицизмом, причем в его римской версии. Еще почти пятая их часть считает себя принадлежащими к неким не поддающимся определению разновидностям христианства – что бы эти слова ни означали. – Джеки выпустила в окно несколько колечек дыма и некоторое время смотрела, как они кружат в воздухе.

– Ну и что? Получается, что почти половина из них – агностики.

Джеки рассмеялась.

– Ты что, Джини, совсем рехнулась? Я ведь еще не упомянула Церковь Последнего Дня, методистов, лютеран и Христианский союз жителей берегов Тиоги.

– Как, как? Тиога... И много их там, в этом Христианском союзе?

– Один. По-моему, он в авиации служит.

Я не выдержала и рассмеялась. Но тут же задохнулась, проглотив слишком много гвоздичного дыма, и поспешно загасила окурок, а себя обрызгала лизолом.

Да, не очень-то много.

– Этих мало, зато других слишком много. Это мощная организация на религиозной основе. – Джеки наклонилась и высунулась из окна, словно желая получше рассмотреть марширующих юнцов. – И в ней практически одни мужчины. Причем мужчины консервативные, любящие своего Бога и свою страну. – Она вздохнула и прибавила: – А женщин они любят гораздо меньше.

– Ну, это уже просто смешно, – сказала я, отходя от нее подальше – она явно вознамерилась окончательно сжечь себе легкие, прикурив вторую сигарету прямо от первой. – К женщинам они точно ненависти не испытывают.

– Ты бы, детка, почаще из дома выходила. В каких штатах, по-твоему, эта организация пользуется самой большой популярностью? Где самый высокий рейтинг завербованных ею? Хорошо, я подскажу: это не в гребаной Новой Англии. Там они все еще «хорошие парни».

– И что из этого? – Я понимала, что мои вопросы раздражают ее, но никак не могла уловить связь, на которую Джеки пыталась мне указать.

– А то, что эти «хорошие парни» – просто консервативные белые американцы. И почти все они гетеросексуалы. – Джеки загасила недокуренную сигарету, завернула бычок в пластиковый мешочек и повернулась ко мне лицом, скрестив руки на груди. – Как ты думаешь, кто у нас сейчас более всего пышет гневом? Я имею в виду только нашу страну.

Я пожала плечами.

– Афроамериканцы?

Джеки как-то смешно зажужжала, словно говоря «ты вылетела из игры, но у нас за кулисами есть кое-какой утешительный приз».

– Попробуй еще разок.

– Геи?

– Нет, тупица. Именно гетеросексуальные белые парни. И каждого из них, черт побери, прямо-таки переполняет чувство благородного гнева. Они же себя кастрированными чувствуют.

– Ей-богу, Джеко...

– Да-да, именно кастрированными. – Джеки ткнула в меня своим пурпурным ногтем. – Вот подожди еще немного и увидишь, что буквально через несколько лет мир станет совсем иным, если мы так ничего и не предпримем, чтобы как-то остановить этот процесс. Расширение библейского пояса, хреновое представительство женщин в Конгрессе, стая рвущихся к власти мальчишек, уставших от разговоров о том, что им надо быть более восприимчивыми. – И она засмеялась каким-то нехорошим, злым смехом, сотрясавшим все ее тело. – И не думай, что в первых рядах окажутся одни мужчины. Эти «мышки-норушки» тоже будут на их стороне.

– Кто-кто?

Джеки взглядом указала сперва на мой тренировочный костюм и нечесанные космы, затем на грудь невымытых тарелок в раковине и, наконец, на себя.

Выглядела она, кстати сказать, просто поразительно. Это было, вероятно, одно из самых интересных творений моды, какие мне в последнее время доводилось на ней видеть – пестрые легинсы, огромный свитер грубой вязки, который раньше был бежевым, но в результате стирок приобрел и различные другие оттенки, и, наконец, пурпурные остроносые ботинки на высоченных каблуках.

– Ну, всякие Сюзи Домохозяйки. Девицы в тщательно подобранных юбках и свитерах, в скромных приличных туфлях, жаждущие получить диплом «миссис такая-то, жена и хозяйка». Как ты думаешь, они любят увлекающихся наукой идиотов вроде нас? Подумай еще раз.

– Да ладно тебе, Джеки, – отмахнулась я.

– Я же сказала, Джини: тебе нужно просто еще немного подождать.

И я подождала. И все оказалось именно так, как и предсказывала Джеки. Даже еще хуже. Наступление началось сразу по многим направлениям и настолько бесшумно, что у нас не осталось ни малейшего шанса хотя бы сплотить ряды.

Одну вещь из рассуждений Джеки я все же усвоила сразу: невозможно протестовать против того, чего не видишь. А я не видела того, что на нас надвигалось.

Остальное я поняла через год. Когда узнала, как трудно написать письмо своему конгрессмену, не имея ни ручки, ни карандаша, как послать письмо, не имея марки. Когда увидела, с какой легкостью продавец в киоске с канцелярскими принадлежностями заявил мне: «Извините, мэм, но я не могу вам это продать», а работник почтового отделения лишь молча покачал головой, когда я – особь, лишенная Y-хромосомы, – попросила продать мне обыкновенную марку. Когда узнала, как быстро может быть аннулирован твой счет и номер мобильного телефона и как эффективно способны действовать молодые люди из соответствующей организации, когда устанавливают в твоём доме камеры слежения.

Я поняла, что если некий план принят на вооружение, то с тобой буквально за одну ночь может произойти все, что угодно.

Глава шестая

Патрик сегодня вечером настроен игриво, а вот у меня совершенно нет настроения затевать «любовные игры». Но либо «игры», либо он снова станет принимать антидепрессанты, чтобы выдержать еще один день, еще одну неделю на работе, благодаря которой, собственно, в нашем автомобиле есть бензин и мы вполне можем заплатить за поход детей к зубному врачу, если возникнет такая необходимость. Хотя даже тот весьма высокий пост, который Патрик занимает в нашем правительстве, все же не дает ему достаточных доходов, чтобы как следует обеспечить семью, поскольку я теперь больше не работаю.

Свет на крыльце погашен, мальчишки улеглись, а Патрик, укладываясь на наше супружеское ложе, нежно шепчет:

– Я люблю тебя, детка, – и, судя по тому, как лихорадочно блуждают по моему телу его руки, он, ясное дело, спать пока не готов. Пока еще нет. А ведь мы с ним не занимались «этим» очень давно. По-моему, несколько месяцев. А может, и дольше.

В общем, мы приступаем к делу.

Я никогда не любила болтать, занимаясь любовью. Слова казались мне такими неуклюжими; и потом, они как-то слишком резко вмешивались в естественный ритм совокупления, подрывая сами его основы. И забудьте, пожалуйста, эти дурацкие порнографические мантры: Дай, дай его мне. О, я кончаю! Сильней, сильней. Ох, милый, да, да, да! Подобная чушь годится только для кухонного флирта или для непристойно-убогих шуточек в компании подружек, но только не в постели. Только не с Патриком.

И все-таки о чем-то мы разговаривали. До и после. И во время тоже. Немного, всего десять звуков: Я тебя люблю – пять гласных, пять согласных, одно мягкое «т», во всех отношениях подходящее для данной ситуации. И произнесенные шепотом наши имена: Патрик, Джин.

Но сегодня вечером, когда мои дети спят, а мой муж занимается со мной любовью и я слышу возле самого уха его ровное тяжелое дыхание, я закрываю

глаза, чтобы не видеть яркого отражения луны в зеркале гардероба, и думаю, что же все-таки для меня предпочтительней. Стала бы я счастливее, если бы и он разделил со мной мое молчание? Было бы мне от этого легче? Или мне все-таки нужны слова Патрика, чтобы заполнить ту пустоту, что существует и в нашей спальне, и во мне самой?

Он вдруг перестает сосредоточенно двигаться во мне и спрашивает:

– В чем дело, детка? – В его голосе забота и тревога, но я, по-моему, улавливаю там и еще некий намек, некую особую интонацию, которую мне никогда больше не хотелось бы слышать. Более всего это похоже на жалость.

Я поднимаю руки и, прижав обе ладони к его щекам, притягиваю его к себе и целую в губы. Этим поцелуем я словно говорю ему, что все это ерунда, что все пройдет, что все еще будет хорошо. Это, разумеется, ложь, но ложь, вполне в данный момент подходящая, и больше Патрик ничего не говорит и не спрашивает.

Пусть сегодня все у нас будет тихо и спокойно. Полная тишина. Абсолютная пустота.

Я чувствую, что нахожусь сейчас как бы одновременно в двух местах. С одной стороны, я всей кожей чувствую тяжелое тело Патрика, как бы повисшее надо мной, лишь изредка с моим телом соприкасаясь; я слита с ним, я его часть, но в то же время я существую отдельно от него. А с другой стороны, я целиком погружена в воспоминания о том, как судорожно я возилась с застежкой на выходном платье, сидя на заднем сиденье гоночного автомобиля «Гранд Нэшнл», принадлежавшего Джимми Риду; это была очень сексуальная машина, если машина вообще может быть сексуальной. Я пыхтела, смеялась и вообще была здорово подогрета алкоголем, а Джимми всю лапал меня и шарил по моему телу своими ручищами. Затем воспоминания переносят меня в какой-то веселый клуб, где я пою, радуясь победе нашей далеко не звездной футбольной команды; затем – я произношу прощальную речь на выпускном вечере в колледже; а затем – выкрикиваю грязные ругательства в адрес Патрика, который терпеливо просит меня еще разок поднатужиться и, взволнованно задыхаясь, все повторяет: Ну, еще хотя бы один разок, детка, пока не выходит головка ребенка... А затем перед моим мысленным взором отчетливо предстает то, что было два месяца назад: маленький съемный коттедж, я лежу на кровати, а надо мной горячее тело того мужчины, которого мне отчаянно хочется увидеть

снова; я и сейчас с волнением вспоминаю его ласки, я и сейчас чувствую прикосновение его рук к моему телу...

«Лоренцо, Лоренцо», – повторяю я про себя, а потом, дав себе некий внутренний пинок, заставляю себя выбросить из головы эти три чудесных слога, из которых состоит его имя, пока повторение этого имени не пробудило в моей душе слишком сильную боль.

Но мое «я» раздваивается все сильнее, и я теперь словно существую одновременно в двух различных ипостасях.

В такие, как сегодня, моменты я думаю о других женщинах. Например, о докторе Клодии. Однажды, находясь у нее на приеме, я спросила: получают ли гинекологи от секса большее удовольствие, чем мы, все прочие женщины, или же наоборот – они теряются в клинических подробностях акта? Может быть, ложась на спину, они думают: «О, моя вагина расширяется, становится более податливой, а клитор прячется под «клобучок», и верхняя треть стенок моего влагалища (но только верхняя треть) начинает сокращаться со скоростью одна пульсация за восемь десятых долей секунды».

Доктор Клодия одним ловким движением извлекла из меня расширитель и сказала: «Честно говоря, на первых курсах медицинского колледжа со мной все происходило именно так, как вы говорите. И я ничего не могла с этим поделать. Но, слава богу, мой партнер тоже был студентом-медиком; любой другой, как мне кажется, уже давно встал бы, застегнул молнию на брюках и удалился восвояси, оставив меня, истерически хохочущую, под одеялом. – И она, ласково потрепав меня по колену, высвободила сперва одну мою ногу, а потом и вторую из обитых какой-то мягкой розовой штуковиной опор гинекологического кресла. – Ну а теперь я просто получаю от секса удовольствие. Как и все остальные люди».

Пока я вспоминаю доктора Клодию с ее блестящим стальным расширителем, Патрик добирается до оргазма и тяжело обвисает, придавив меня и целуя мне шею и уши.

Интересно, думаю я, а как это происходит у других женщин? Как они выходят из положения? Неужели они все еще находят в супружеском сексе нечто приятное, доставляющее им удовольствие? Неужели они по-прежнему любят своих мужей?

Или, может, теперь уже они их ненавидят? Хотя бы чуть-чуть?

Глава седьмая

Когда в первый раз раздается пронзительный крик Сони, я решаю, что мне это снится. Тем более рядом преспокойно похрапывает Патрик – у него сон всегда был крепкий, а в последний месяц он еще работал по такому безумному графику, что совсем выбился из сил. Так что пусть себе спит-храпит, сочувственно думаю я.

Впрочем, в последнее время я и сочувствия-то особого к нему не испытываю. Оно словно выдохлось. Зачем работать по двенадцать часов в день, зная, что все равно неизбежно раскиснешь от усталости, и это в два раза уменьшит твою же производительность труда? Зачем хоронить себя под горами бумажной работы и всякой административной бредятины, а потом, едва переставляя ноги, тащиться домой с единственным желанием: рухнуть в постель и уснуть мертвым сном? Зачем на следующее утро снова вставать и отправляться на работу, чтобы повторилось все то же самое? А чего все они, эти люди, собственно, ожидали, соглашаясь на такую работу?

Впрочем, Патрик не виноват – это я понимаю и сердцем, и умом. Просто у нас четверо детей, и нам жизненно необходимы те деньги, которые он получает на службе. И все-таки сочувствия в моей душе не осталось уже почти ни капли.

Мысли мои прерывает новый крик Сони, и это не бессловесный вопль, а прямо-таки водопад слов, и при мысли о том, сколько слов она уже произнесла, у меня кровь стынет в жилах.

Мамочка, не позволяй ему до меня добраться не позволяй ему до меня добраться не позволяй ему до меня добраться...

Я скатываюсь с кровати, путаясь в простынях, одеялах и ночной рубашке, скрутившей мои ноги точно свивальником. В результате я больно ударяюсь голенью об острый угол прикроватного столика, на ноге сразу зреет отличный синяк, внутри которого виднеется кровотокающая ссадина. Наверно, еще и шрам

останется, но я об этом не думаю. Я думаю о том «шраме», который заполучу, если вовремя не доберусь до Сониной спальни и не успею ее утихомирить.

Слова продолжают сыпаться у нее изо рта, они летят по коридору мне навстречу, точно миллион отравленных дротиков из чьих-то вражеских духовых трубок. И каждое слово больно жалит меня; каждое с легкостью хирургического скальпеля насквозь пронзает мою, некогда довольно-таки плотную шкуру и проникает прямо мне в душу, во внутренности... Господи, сколько же слов она успела произнести? Пятьдесят? Шестьдесят? Или даже больше?

Больше. Конечно, больше.

О господи...

Теперь уже и Патрик проснулся, вскочил, глаза расширены, бледный – этакая картинка из черно-белого фильма, когда герой до смерти пугается, обнаружив в шкафу чудовище. Я слышу за спиной его торопливые шаги, их ритм совпадает с барабанным боем крови, пульсирующей в моих венах; Патрик кричит мне: «Беги, Джин! Беги!», но я даже не оборачиваюсь. Двери открываются словно сами собой, когда я буквально влетаю в них – сперва двери комнаты Стивена, затем – комнаты близнецов. Кто-то – то ли Патрик, то ли я сама – с силой бьет ладонью по выключателю в коридоре, и в пределах моего периферического зрения появляются три смутно видимых физиономии, бледные, как у привидений. Естественно, комната Сони непременно должна была оказаться дальше всего от моей спальни!

Мамочка, пожалуйста, не позволяй ему до меня добраться не позволяй ему до меня добраться не позволяй...

Сэм и Лео начинают плакать. На какую-то долю секунды я улавливаю одну-единственную мысль: я никудашная мать. Мои мальчики до смерти перепуганы, а я бегу мимо них, даже не пытаюсь о них позаботиться, не обращая на них внимания, не замечая их. Ничего, о них я позабочусь позже – если, конечно, буду в состоянии вообще о чем-то еще заботиться.

Еще два шага, и я вбегаю в маленькую комнатку Сони, прыгаю к ней на кровать, одной рукой нашариваю ротик малышки и затыкаю его. А моя вторая рука тем временем шарит под одеялом в поисках твердого металлического браслета у

нее на запястье.

Соня что-то мычит мне в ладошку, и я краем глаза замечаю часы на ночном столике. Половина двенадцатого.

А у меня больше совсем не осталось слов – во всяком случае, на ближайшие полчаса.

«Патрик...» – одними губами произношу я, когда он включает верхний свет. Четыре пары глаз в ужасе уставились на то, что творится на Сониной постели. Наверное, со стороны это более всего похоже на насилие – этакая гротескная скульптура: извивающийся ребенок в ночной рубашонке, насквозь промокшей от пота и ставшей почти прозрачной, и я, распростертая поверх нее, пытающаяся задушить ее крики и всем своим весом прижимающая ее к матрасу. Жуткая, должно быть, картина. Так сказать, детоубийство во плоти.

Мой счетчик на руке, которой я зажимаю Соне рот, грозно светится, показывая цифру 100. Я поворачиваюсь к Патрику и умоляюще смотрю на него, прекрасно зная, что если я заговорю, если на моем счетчике появится хотя бы цифра 101, Соня неизбежно разделит со мной страшный удар током.

Патрик мгновенно бросается ко мне, осторожно отрывает мою руку от Сониного лица и уже своей ладонью закрывает ей рот.

– Ш-ш-ш, малышка. Ш-ш-ш. Папа с тобой. Папа никогда не позволит, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

Сэм, Лео и Стив входят в комнату, толкая друг друга и стараясь занять наиболее удобную позицию, и в комнате вдруг совершенно не остается места для меня. Таким образом, никудашная мать превращается еще и в бесполезную мать. Эти два слова – никудашная и бесполезная – скачут у меня в голове, словно шарики пинг-понга. Спасибо, Патрик. Спасибо, мальчики.

Но я их не ненавижу. И я еще раз повторяю себе: нет, я их не ненавижу.

Хотя иногда все-таки да: ненавижу.

Я ненавижу, когда мой муж и мои сыновья говорят Соне, какая она хорошенькая. Я ненавижу, когда именно они утешают ее ласковыми словами, если она упадет, катаясь на велосипеде. Я ненавижу, когда они придумывают всякие истории о принцессах и русалках и преспокойно их ей рассказывают. Я ненавижу молча смотреть и слушать, когда они все это делают.

Какое мучительное испытание – все время помнить, что самой-то мне в детстве именно мама и ласковые слова говорила, и всякие истории рассказывала.

Черт бы все это побрал!

Соня начинает понемногу успокаиваться, значит, непосредственная опасность миновала. Но я успеваю заметить, пятась к дверям и выскальзывая из ее комнаты, что братья все же стараются к малышке не прикасаться. Просто на всякий случай: вдруг у нее случится еще один припадок, и она снова начнет выкрикивать слова.

В углу гостиной наш бар – солидный деревянный стол на колесиках, где на полочках стоят разные бутылки с жидким болеутоляющим. Чистая водка и джин, карамельный скотч и бурбон. В бутылке, которую мы купили несколько лет назад для пикника в полинезийском стиле, еще осталось примерно на дюйм кюрасао цвета кобальта. А где-то в заднем ряду я нахожу то, что, собственно, и ищу: бутылку запрещенной здесь граппы, известной также как «итальянский самогон». Я забираю с собой бутылку и небольшой бокал, уношу все это на заднее крыльцо и жду, когда часы пробьют полночь.

Выпивкой я давно уже не увлекаюсь. Она окончательно вгоняет меня в тоску – это же, черт побери, невыносимо, прихлебывая ледяной джин с тоником, вспоминать те летние вечера, когда мы с Патриком усаживались рядышком на крошечном, размером с почтовую марку, балкончике в нашей самой первой квартирке и подолгу обсуждали мои возможные научные гранты, или проблему получения квалификационных дипломов, или его дьявольскую нагрузку, когда он начал работать в качестве постоянного врача в Джорджтаунском университетском госпитале. Я также боюсь опьянеть, боюсь того состояния, которое называется «пьяному море по колению», ибо в этом состоянии я могу забыть обо всех правилах. Или попросту на них плюнуть.

От первого доброго глотка граппы у меня внутри словно вспыхивает пожар; второй идет легче, мягче. Я как раз делаю третий глоток, когда часы возвещают конец этого дня, и счетчик на моем левом запястье приглушенным звонком сообщает, что мне дарована еще одна сотня слов.

Что я буду с ними делать?

Я тихонько открываю затянутую сеткой дверь, проскальзываю обратно в гостиную, мягко ступая по ковру, и ставлю бутылку в бар. Затем я иду к Соне. Она уже сидит в постели со стаканом молока в руках, а Патрик подпирает ей спинку ладонью. Мальчики снова улеглись, а я сажусь рядом с Патриком.

– Все хорошо, дорогая. Мамочка с тобой.

И Соня улыбается мне.

Но на самом деле все происходит совсем не так.

Взяв с собой выпивку, я спускаюсь на лужайку, прохожу мимо роз, которые миссис Рей так тщательно выбирала и высаживала, и углубляюсь во тьму того заросшего травой кусочка земли, где так чудесно пахнет цветущая сирень. Говорят, что с растениями нужно разговаривать, тогда они будут здоровее и станут лучше расти; если это правда, то в моем саду растения, должно быть, скоро умрут. Впрочем, сегодня мне абсолютно начхать и на эту цветущую сирень, и на розы, и на все остальное. И голову мою занимают исключительно мысли о совсем иной разновидности земных существ, которые столь хорошо мне знакомы.

– Ублюдки гребаные! – злобно ору я, снова и снова.

У Кингов в окнах мелькает свет, вздрагивают и раздвигаются вертикальные пластинки жалюзи. Но мне плевать на Кингов. Мне плевать, даже если я своими криками подниму весь квартал. Плевать, даже если меня услышат на Капитолийском холме. Я ору, пока у меня окончательно не пересыхает горло, и тогда я снова делаю добрый глоток граппы. Я пью прямо из бутылки, и немного виноградной водки проливается мне на ночную рубашку.

– Джин! – раздается где-то позади меня голос Патрика, затем с грохотом захлопывается дверь, и он снова окликает меня, но уже ближе: – Джин!

– Отвали к чертовой матери! – говорю я. – Или я так и буду выкрикивать слова одно за другим. – Мне вдруг становится совершенно безразлично, ударит ли меня током, испытаю ли я снова ту жуткую боль. Интересно, а если я сумею эту боль вытерпеть, если так и буду продолжать кричать, изливая свой гнев, если мне удастся заглушить и физическую боль, и горькие чувства алкоголем и криком, то неужели они так и будут продолжать бить меня током? Или я от первого же удара потеряю сознание?

Возможно, убивать меня они бы все-таки не стали – они не убивают женщин по той же причине, по какой не одобряют аборты. Мы превратились для них в некое необходимое зло, в некие объекты, которые надлежит трахать, но не слушать.

А Патрик уже вопит во весь голос:

– Джин! Остановись, детка! Пожалуйста, прекрати это!

У Кингов еще в одном окне вспыхивает свет. Со скрипом открывается дверь. По траве шуршат шаги.

– Что у вас там происходит, Макклеллан? Люди уснуть пытаются. – Это, конечно же, супруг. Эван Кинг. А супруга, Оливия, по-прежнему подглядывает сквозь щель в жалюзи, наслаждаясь моим полуночным шоу.

– Иди к дьяволу, Эван! – ору я в ответ.

Эван уже далеко не столь вежливо сообщает, что идет звонить в полицию. И свет в окне Оливии гаснет.

Я слышу какие-то пронзительные крики – некоторые из них явно мои, – а затем Патрику удается меня скрутить, и он буквально всем своим телом прижимает меня к мокрой траве, умоляя, утешая, пытаюсь успокоить меня поцелуями, и я чувствую, что лицо у него мокро от слез. И первое, что мне приходит в голову: неужели они специально обучают мужчин таким приемам? Может, они даже раздают некие брошюры нашим мужьям, сыновьям, отцам и братьям и начали

это делать еще с самых первых дней, когда на женские руки надели эти сверкающие стальные кандалы? Впрочем, вряд ли их до такой степени это заботило.

- Отпусти меня. - Я по-прежнему валяюсь на траве, чувствуя, что насквозь мокрая ночная рубашка прилипла к моему телу, точно змеиная шкура. И, подумав о змеиной шкуре, я вдруг понимаю, что не говорю, а шиплю, как змея.

А еще я понимаю, что счетчик у меня на левом запястье снова угрожающе тикает.

Патрик, услышав это тиканье, моментально хватает меня за руку и проверяет, сколько слов у меня осталось.

- Твой лимит исчерпан, Джин!

Я извиваюсь, пытаюсь отползти от него подальше - эта попытка столь же безнадежна и пуста, сколь пуста и безнадежна моя душа. Я чувствую во рту горький вкус травы, и только тут до меня доходит, что рот у меня полон этой травы, что я жую ее, причем вместе с землей. И я вдруг понимаю, что хочет сделать Патрик, удерживая меня в объятиях: он хочет разделить со мной страшный удар тока.

И, поняв это, я не только умолкаю, но и позволяю Патрику отвести меня обратно в дом под все усиливающийся вой полицейских сирен.

Ладно, пусть с прибывшими по звонку Эвана Кинга полицейскими объясняется Патрик. У меня все равно больше не осталось слов.

Глава восьмая

Глупо, глупо, ах, как глупо!

Равнодушный, ничего не выражающий взгляд Сони, когда утром я под проливным дождем провожаю ее до остановки автобуса - это самый худший

упрек, это наказание мне за вчерашнюю несдержанность и гневную, пропитанную граппой тираду на заднем дворе. И это, конечно же, гораздо хуже той унылой лекции, которую мне прочли полицейские, упрекая меня в том, что я нарушаю покой соседей.

Впервые перед уходом в школу я не сказала Соне, что люблю ее. Но я все же посылаю ей воздушный поцелуй и сразу жалею об этом, потому что она мгновенно подносит к губам свою ручонку и посылает мне ответный.

Черный глаз камеры на автобусной двери тут же уставляется на меня в упор.

Они теперь повсюду, эти камеры. В супермаркетах и в школах, в парикмахерских и в ресторанах. Только и ждут возможности уловить любое твое движение как часть языка жестов, тогда как запрещена даже эта, самая примитивная форма бессловесного общения.

Собственно говоря, и все их идиотские приемы и уловки, с помощью которых они стараются задеть нас за живое и заставить молчать, с человеческой речью тоже не имеют ничего общего.

По-моему, тот случай имел место примерно через месяц после введения счетчиков слов в продуктовом отделе супермаркета «Сейфуэй». Эти молодые женщины были мне незнакомы, но я и раньше не раз видела их в этом магазине, поскольку они, как и я, чаще всего покупали продукты именно там. Как и многие другие молодые матери – и в нашем квартале, и в соседних, – они повсюду ходили парами или целыми стайками, дружно толкая перед собой тележки с покупками, и всегда были готовы помочь друг другу, если у кого-то младенец вдруг раскапризничается в очереди у кассы. Но эти две женщины, как мне показалось, были как-то особенно тесно связаны друг с другом. Возможно, они были близкими подругами. Возможно, именно эта дружба, как я теперь понимаю, и оказалась их главной проблемой.

Можно многое отнять у человека – деньги, работу, интеллектуальный стимул, да все, что угодно. Можно отнять у женщины даже возможность произносить слова, но и при этом ее сущность ничуть не изменится.

Но отнимите у человека чувство товарищества, и тут уж речь пойдет о чем-то совсем ином.

Я наблюдала за ними, за этими молодыми женщинами, а они, ласково и влюбленно поглядывая то на одного малыша, то на другого, говорили, видимо, о детях, и разговор этот шел на некоем безмолвном «пиджине»: они то указывали на свое сердце, то касались пальцем виска. Это был весьма забавный и трогательный язык жестов, и я невольно засмотрелась на них, а они, ничего не замечая вокруг, все продолжали стоять возле высоченной пирамиды из апельсинов и, презрительно посмеиваясь, вместе читали какое-то письмо – это явно было некое любовное послание, и они таких не видели, должно быть, класса с шестого, когда передавали друг другу записочки от какого-нибудь Кевина, Томми или Карло. И тут я вдруг увидела, как изменились лица этих молодых женщин, и они в ужасе уставились на троих мужчин в форме, подошедших к ним с разных сторон; я видела, как рухнула и рассыпалась та пирамида из апельсинов, когда одна из женщин попыталась сопротивляться, а потом и самих женщин, и их крошечных дочерей потащили куда-то через автоматические двери, защелкнув на запястье каждой широкий металлический наручник.

Я, разумеется, ни у кого потом не пыталась узнать о них. Да это было и не нужно. С тех пор я никогда больше не видела ни этих женщин, ни их малюток.

– Пока, – прощается со мной Соня и вскакивает на подножку автобуса.

А я тащусь обратно к дверям дома, стряхиваю на крыльце зонт и оставляю его открытым, чтобы просох. Запертый почтовый ящик, похоже, ухмыляется своей единственной щелью, глядя на меня. Видишь, что ты наделала, Джин?

На углу останавливается грузовичок нашего почтальона. Он вылезает из кабины, закутанный в такой прозрачный дождевик, какие им выдают в почтовых отделениях на случай плохой погоды. Такое ощущение, словно он натянул на себя презерватив.

В детстве я и моя подружка Энн-Мэри любили посмеяться по этому поводу, наблюдая за почтальонами в дождливые дни; да и летом мы частенько фыркали, глядя, как почтальоны щеголяют в своих допотопных шортах и дурацких шлемах; ну а зимой нас, конечно, ужасно сместили их галоши, в которых они бодро шлепали по раскисшим от мокрого снега улицам. Но наибольшее веселье у нас, разумеется, вызывали эти пластиковые дождевики, в которых почтальоны все как один ходили на дряхлых старушек. Собственно, и старушки, и

почтальоны по-прежнему носят такие дождевики, хотя кое-что все же переменялось: женщин среди почтальонов больше нет ни одной. По-моему, это довольно существенная перемена.

– Доброе утро, миссис Макклеллан, – здоровается со мной почтальон, шлепая по дорожке к нашему дому. – Много почты сегодня для вас.

Я почти никогда не встречаюсь с нашим почтальоном. У него какое-то редкое свойство – приходить, когда меня либо нет дома, либо я занимаюсь какими-то хозяйственными делами, либо, скажем, принимаю душ. Но иной раз случается, что почтальон приходит, когда я дома и сижу на кухне; я слышу негромкий стук металлического клапана, когда почтальон открывает почтовый ящик, и пытаюсь побыстрее допить свою вторую за утро чашку кофе, но за это время он уже успевает исчезнуть. Интересно, может, он специально свои приходы к нам так планирует?

Я молча улыбаюсь в ответ на его приветствие и протягиваю руку за почтой: мне просто интересно посмотреть, как он поступит.

– Извините, мэм. Но я обязан опустить почту в ящик. Правила, знаете ли.

У них действительно теперь новые правила, и за исключением субботнего утра – когда Патрик бывает дома – наш почтальон неукоснительно эти правила соблюдает. А в субботу он отдает почту прямо Патрику в руки, чем, полагаю, избавляет моего мужа от необходимости тащиться в дом на поиски ключа.

Я смотрю, как он опускает в щель почтового ящика целую пачку каких-то конвертов и щелкает закрывшимся клапаном.

– Ну что ж, доброго вам дня, миссис Макклеллан. Если это, конечно, возможно, при такой-то погоде.

Я пресекаю машинальное желание ответить, и оно буквально застревает у меня в горле, когда я вспоминаю, что слов у меня больше совсем не осталось.

И тут происходит нечто странное: почтальон три раза подмигивает мне, и между каждым подмигиванием делает до смешного долгую паузу, поэтому, когда он

моргает, его веки с длинными ресницами опускаются медленно, как у куклы с закрывающимися глазами.

– Знаете, – говорит он, – у меня есть жена. И три девочки. – Последние три слова он – как, кстати, его зовут? Мистер Пауэлл? Мистер Рамси? Мистер Баначи? – произносит шепотом, и мне становится жарко от стыда и растерянности: я ведь даже имени этого человека не знаю, хотя он приходит к нам в дом шесть раз в неделю.

А он опять повторяет тот жест – три раза медленно моргает глазами, – предварительно проверив, куда смотрит камера слежения, висящая у нас над дверью, и повернувшись к ней спиной. В итоге камера отражается у меня в глазах. Может, я солнце или луна? Нет, скорее уж Плутон, загадочная двойная планета.

И я вдруг узнаю его. Вспоминаю. Наш почтальон – сын той женщины, которая должна была бы стать первым человеком, которому я введу в головной мозг лекарство от афазии. И эту женщину зовут Делайла Рей. Ничего удивительного, что ее сына в прошлом году так беспокоила тема моего гонорара, хотя гонорар этот наверняка в любом случае равнялся бы нулю, даже если бы у меня тогда и впрямь возникла возможность испытать мою сыворотку «Вернике X-5» на реальном пациенте; сам-то он вряд ли много зарабатывает в качестве почтальона.

Мне этот человек успел понравиться, еще когда он приводил Делайлу Рей ко мне на прием. В нем была некая особая чувствительность и какое-то детское изумление перед чудом науки – и в частности, перед тем волшебным средством, которое я предлагала с помощью обыкновенного шприца ввести ей непосредственно в головной мозг. Родственники других пациентов всегда приходили в ужас и трепетали при одном упоминании об «уколе прямо в мозг», а этот человек оказался единственным, кто заплакал от радости, когда я объяснила ему свои намерения и сказала, что если опыт будет удачным, то его пожилая мать сможет практически сразу произнести свое первое связанное предложение, хотя до этого она целый год жила с абсолютно нарушенной вследствие перенесенного инсульта речью. В глазах этого человека я была не просто очередным исследователем, имеющим исключительно научный интерес, или врачом-логопедом, или еще кем-то из длинной череды диагностов и доброжелателей, осматривавших его мать. Он воспринимал меня почти как божество, способное вернуть человеку утраченный голос и способность

говорить.

Вот именно, была.

Почтальон ждет, вопросительно поглядывая на меня, и я, дабы объяснить свое молчание, делаю единственно возможный для меня жест: поднимаю левую руку, подношу ее к лицу и поворачиваю запястье так, чтобы экран счетчика был ему виден. И он сразу все понимает.

- Извините, - говорит он и собирается уходить.

Но прежде чем он успевает спуститься с крыльца и снова сесть в кабину своего грузовичка, я трижды медленно закрываю и открываю глаза - как это делал он.

- Ничего, мы в другой раз с вами поговорим, - еле слышно шепчет он и сразу уезжает.

Справа от меня хлопает дверь, и алюминиевая сетка еще некоторое время дребезжит в дверной раме, когда Оливия Кинг, открыв пестрый зонт, выныривает из-под навеса над крыльцом. На голове у нее платок из одноцветного шелка или полиэстера. Нежно-розового. В этом платочке Оливия кажется бабушкой, хотя она лет на десять, по крайней мере, меня моложе. Она внимательно смотрит в небо, затем на всякий случай высовывает из-под зонта руку, проверяя, не идет ли дождь, и закрывает зонт.

Но платок с головы не снимает, даже усевшись на сиденье своего автомобиля. В последнее время Оливия вообще выезжает куда бы то ни было только в будние дни по утрам; если бы та церковь, которую она посещает, была поближе, она бы точно ходила туда пешком.

Мне сейчас Оливия кажется какой-то очень маленькой, съезжившейся, даже ссохшейся; этакая пугливая домашняя мышка, перебегающая от одной норки к другой и вечно страшась того, что может встретиться ей на пути. Она из тех людей, о которых Джеки говорила, что у них вместо мозгов в голове порошок «Kool-Aid», который дети любят разводить водой, чтобы получилось сладкое питье с запахом какого-нибудь фрукта. И, в общем, Оливия вполне довольна своим местом в предписанной иерархии «Бог, мужчина, женщина» и с готовностью до последней капли выпила яд, предложенный ей преподобным

Карлом.

Я-то сама воспринимаю любую религиозную доктрину как полное дерьмо, и наша нынешняя доктрина «нравится» мне в той же степени. Но когда Стивен впервые притащил домой свой учебник для подготовительного курса с весьма невинным названием «Основные положения современной христианской философии», ярко выведенными синими безобидными буквами на белом фоне обложки, я все же проявила определенный интерес, взяла у него эту книжку и после обеда всю ее пролистала.

– Фигня ведь, тебе не кажется? – спросил Стивен, в очередной раз заглядывая на кухню, чтобы немного перекусить.

– Ты, по-моему, говорил, что этот курс на будущий год собираются вставить в основное расписание? – спросила я, не отрывая глаз от той страницы, где начиналась глава «В поисках естественного порядка для современной семьи»; она, как и все прочие главы, предварялась цитатой из Библии, в данном случае из Послания к коринфянам: «...всякому мужу глава Христос; жене глава – муж, а Христу глава – Бог»[11 - 1-е послание к коринфянам, 11-3.].

Нет, это просто фантастика.

Мало того, глава двадцать седьмая, например, начиналась с выдержки из книги Тита Ливия[12 - Ливий Тит (59 до н. э. – 17 н. э.) – римский историк, автор «Римской истории от основания города»]: «Учите добрым вещам; учите молодых женщин быть рассудительными, учите их любить своих мужей и своих детей, учите их быть осмотрительными и непорочными, учите их быть истинными хранительницами домашнего очага и добрыми, послушными женами для своих мужей». Основной же смысл данного учебника сводился фактически к некоему «призыву к оружию» в борьбе за новый порядок, сутью которого было стремление восстановить ту роль, которую женщина играла чуть ли не в доисторическом обществе, а также соответствующее отношение мужчин к женщинам.

Там имелись, разумеется, главы, посвященные феминизму и тому, как коварно это течение, ибо оно разрушает ценности таких мировых религий, как иудаизм и

христианство (а заодно и само понятие мужественности); там также были приведены многочисленные советы мужчинам относительно их главной роли в семье – роли мужа и отца; а целая отдельная глава являла собой подробные наставления детям относительно того, как им следует уважать старших. Короче, практически каждая страница этого «учебника» буквально вбивала в голову «ценности» крайне правого фундаментализма.

Я резко захлопнула книгу.

– Скажи, это ведь не единственное рекомендованное вам пособие?

– Но самое главное. – Стивен ответил мне лишь после того, как залпом осушил большую кружку молока и снова до половины ее наполнил.

– Но какова все-таки основная цель этого курса? Может быть, это желание выдвинуть на первый план всевозможные ловушки консервативного христианства?

Стивен так тупо на меня уставился, словно я задала свой вопрос по-гречески.

– Да не знаю я. Но препод у нас клевый. Она такие интересные выводы порой делает! Ну, например, насчет того, как трудно детям, когда оба родителя целый день на работе, или почему мы оказались в таком положении, когда люди забывают о самых простых вещах.

Я отняла у него пакет с молоком и сунула его обратно в холодильник.

– Может, ты все-таки оставишь хоть немного молока, чтобы твоим братьям было чем позавтракать? И какие это «самые простые вещи» ты имеешь в виду? – Перед глазами у меня точно в режиме слайд-шоу тут же замелькали чудесные картинки: женщины, работающие в саду; женщины, консервирующие персики; женщины, при свете свечи вышивающие наволочки для диванных подушек. Члены секты шейкеров, они же трясуны, сознательно воздерживающиеся от нормальной жизни.

– Ну, это, например, садоводство, грядки там всякие, приготовление еды – в общем, все в таком роде. По-моему, это действительно куда лучше, чем целыми

днями носиться сломя голову, отдавая себя какой-то дурацкой работе.

– Значит, по-твоему, мне следовало бы больше заниматься садом и огородом, а также почаще готовить вам разнообразные кушанья? Ты считаешь работу, которой я занимаюсь, менее важной, чем... ну, я не знаю... чем ручные ремесла или готовка пищи?

– Я же не тебя имею в виду, мам, а других женщин. Тех, которым просто хочется поменьше бывать дома, которые хотят обрести хоть какую-то жалкую возможность стать личностью. – Он забрал у меня книгу, чмокнул меня в щеку и прибавил на прощанье: – Да не бери ты в голову. В конце концов, это всего-навсего какой-то дурацкий школьный курс.

– Вот я и хотела бы, чтобы ты от него отказался, – сказала я.

– Никак невозможно. Мне же потребуется свидетельство о сдаче экзаменов AP, чтобы поступить в университет.

– Но почему ты выбрал именно этот курс? Ты что, намерен специализироваться в вопросах современного христианского мировоззрения?

– Нет. Я просто хочу поступить в колледж.

Вот, значит, как они этого добились! Прокрались в школы и колледжи, вводя всякие новые курсы, создавая новые клубы... Не брезгуя ничем – в том числе и соблазняя ребят обещаниями повысить их «соревновательные возможности» благодаря сданному экзамену по «религиоведению».

Нет, это и в самом деле оказалось очень даже просто.

Глава девятая

Жена президента вместе с ним появляется на экране – по правую руку от него и почти рядом, но все же чуточку сзади; ее светлые волосы покрыты изящным розовато-лиловым шарфом в тон платью, выгодно подчеркивающим цвет ее

глаз.

Не знаю, зачем я включила телевизор. К тому времени, как я в очередной раз подогрела себе кофе, дождь снова замолотил вовсю, за окном слышалось его ровное плющание, и особого желания выходить из дома у меня не возникло. И потом, дома одной как-то безопаснее. Не возникает соблазна заговорить.

А она красотка, наша первая леди. Можно сказать, некая реинкарнация Джеки О[13 - Джеки Кеннеди-Онассис – вдова президента Джона Кеннеди, затем ставшая супругой греческого миллионера Онассиса.], только светловолосая и с голубыми глазами, а та была шатенкой с темными глазами. Я помню, какой была наша «госпожа президентша» до замужества, когда красовалась на страницах и обложках журналов «Vogue» и «Elle», чаще всего демонстрируя крохотные мини-бикини или белье, и всегда улыбалась, словно желая сказать: Вперед! Попробуйте-ка до меня дотронуться!

Но сейчас я была просто поражена произошедшей с ней переменой. До чего же смиренно она держалась, стоя за спиной своего супруга. Вот уж настоящая метаморфоза. Она даже показалась мне меньше ростом – возможно, впрочем, это из-за туфель. Наш-то президент ростом не слишком высок, и кое-кто, вероятно, высказал предположение, что на фотографиях и на экране он будет выглядеть неэстетично рядом со стройной высокой женой, которая к тому же надела туфли на высоких каблуках, вот фотографы и операторы и решили выровнять их по росту, сгладив все ненужные возвышенности и долины.

Господи, кого я пытаюсь обмануть?

Она же больше никогда не улыбается! А ее платье и юбки всегда минимум дюйма на три ниже колена. И вырез на платьях у нее ни в коем случае не глубже той ямки под горлом, название которой я никак не могу запомнить. В общем, в высшей степени пристойный наряд. Рукава неизменно три четверти, в том числе и сегодня, а на левом запястье красуется счетчик, подобранный, разумеется, в тон платья и более всего похожий на старинный браслет, доставшийся ей в подарок от прабабки.

Предполагается, что первая леди должна для всех служить образцом истинной женщины, жены, верной соратницы своего супруга во всех его делах и во все

времена.

Разумеется, рядом с ним она находится только во время публичных акций. А когда камеры выключены и микрофоны умолкли, Анна Майерс, урожденная Йоханссон, тут же отправляется домой в сопровождении троих вооруженных агентов службы безопасности. Этого по телевизору, разумеется, никогда не показывают, но Патрику не раз доводилось это видеть, присутствуя на выступлениях президента перед публикой и находясь в его «свите».

И упомянутое трио остается при ней ночью и днем.

В иные времена наличие у первой леди государства постоянной охраны воспринималось бы как обычная забота о ее безопасности. Однако правду об этом можно прочесть в голубых глазах Анны Майерс: они теперь совершенно лишены блеска и кажутся пустыми, как у женщины, которая видит мир исключительно в серых тонах.

Помнится, у нас в студенческом общежитии жила одна девочка – ее комната была дверей через пять от моей по коридору налево, – и вот у нее были такие же глаза, какие теперь у Анны Майерс. Казалось, мышцы лица вокруг них двигаться вообще не способны, во всяком случае, они никогда не сокращались и не растягивались, чтобы соответствовать той улыбке, которую она буквально надевала на себя, если мы спрашивали, все ли у нее в порядке, не лучше ли она себя чувствует сегодня с утра и не хочет ли немного поболтать. Я помню, как мы нашли эту девочку мертвой – и ее открытые глаза были по-прежнему абсолютно лишены выражения, точно вода в глубоком сельском колодце или застывшая лужица пролитого кофе. В общем, если захотите узнать, что такое депрессия, загляните в глаза человеку, который этим страдает.

Странно, что я отлично помню глаза той мертвой девушки, а имя ее забыла.

Анна Майерс живет в тюрьме, окруженной садом с розариями и мраморными купальнями, она спит на постели, застланной простынями из тончайшего полотна. Патрик рассказывал мне после одного из своих визитов в личные покои президента – высшая степень проявления благосклонности со стороны Майерса, – что люди из службы госбезопасности дважды в день проверяют ванную комнату Анны, обшаривают ее постель (мало ли какие «объекты» она могла незаметно пронести сюда с кухни), а также у них в руках находятся все

лекарства, назначенные ей медиками, и она получает их исключительно из рук этих агентов строго в соответствии с предписаниями. В покоях Анны, разумеется, нет ни одной бутылки со спиртным, а в дверях отсутствуют замки – запираются только дверцы буфета, где хранится дорогая посуда и кое-что из еды. Там также нет ничего, сделанного из стекла.

Я переключила канал.

Для нас все еще существует кабельное телевидение – более сотни спортивных передач, различные садоводческие шоу, кулинарные поединки, советы по ремонту квартиры, мультики для детей, иногда фильмы, но почти все они, так сказать, «смотреть с родителями», а значит, никаких ужасов; в основном это глупые комедии или четырехчасовые эпические картины о жизни Моисея и Иисуса. Есть, разумеется, и другие телевизионные каналы, но все они защищены паролем и доступны только для главы семейства и вообще для мужчин старше восемнадцати лет. Не требуется особого воображения, чтобы догадаться, какого рода программы показывают на этих каналах.

Сегодня я выбрала гольф: жуткая скучища, сплошное мелькание металлической клюшки и мяча.

Когда мой кофе окончательно остыл, а ведущий игрок загнал мяч уже в восемнадцатую лунку, в дверь позвонили. Днем нечто подобное случается не часто. Оно и понятно: зачем соседкам ходить друг к другу? С какой целью? Ведь в такое время не на работе только женщины, а что женщины стали бы делать вместе? Сидеть и молча смотреть гольф? Зачем подчеркивать подобными посиделками то, чего мы теперь лишены?

Лишь открыв дверь, я, спохватившись, понимаю, что до сих пор хожу в купальном халате. На пороге стоит Оливия – голова аккуратно обмотана розовым шарфом, из-под которого не выглядывает ни одной случайной пряди волос, ни одного завитка.

Она медленно окидывает меня оценивающим неодобрительным взглядом с головы до ног и молча протягивает мне почти пустой пакет из-под сахара и мерную кружку.

Я молча киваю. Если бы не было этого противного мелкого дождя, я бы, наверное, заставила Оливию ждать на крыльце, а сама бы ушла с ее кружкой на кухню, насыпала в нее сахару и принесла ей. Но я все же делаю соответствующий жест, приглашая ее войти и не стоять среди этой сырости.

Оливия идет следом за мной на кухню, и стопка грязных тарелок в раковине, оставшихся после завтрака, удостаивается столь же неодобрительного взгляда, что и мой купальный халат. Мне страшно хочется вlepить ей пощечину или хотя бы сообщить все, что я думаю по поводу ее ханжества. Но, когда я беру у нее мерную кружку, она вдруг хватает меня за запястье. Пальцы у нее холодные, влажные от дождя.

Я ожидаю каких-то комментариев, хотя бы наглого самоуверенного «Хм?», но Оливия не произносит ни слова, лишь смотрит на мой счетчик, где непрерывно мигает трехзначная цифра.

Потом она по-настоящему улыбается, и эта ее улыбка пробуждает в моей душе воспоминания об иных временах, когда в любое время можно было позвонить в дверь соседке и попросить в долг чашку сахарного песка, полпинты молока или яйцо.

Это было два года назад, когда Оливия вот так неожиданно заглянула ко мне и сразу спросила: «Не возражаешь, если я на минутку присяду?», не дожидаясь, пока я скажу «да, пожалуйста», и сразу пристроив свой довольно-таки обширный зад на диван в гостиной. Телевизор у меня был включен, там шло какое-то ток-шоу, я же тем временем просматривала «синие книги»[14 - Тетради или блокноты с синей обложкой, используемые в США при приеме экзаменов в колледже.] выпускников. На экране выступала Джеки Хуарес рука об руку с какими-то еще тремя женщинами, которые были одеты в некую помесь нарядов Донны Рид[15 - Американская актриса (1921-1986), лауреат премии «Оскар» 1953 года.] и жен астронавтов эпохи «Аполлона».

– О, как классно она выглядит, ты не находишь? – усмехнулась Оливия, и я поняла, что это не вопрос.

– Которая из них? – все же спросила я, протягивая ей пластиковую бутылку с молоком.

– Та, что в красном. Она жутко похожа на дьявола в этом своем костюме.

Джеки на сей раз, пожалуй, и впрямь несколько перегнула палку. Ее красное одеяние выглядело как гнойная рана на фоне остальных трех женщин, скучных и бесцветных в своих аккуратных двойках пастельных тонов. Из украшений у каждой из них была лишь нитка жемчуга на шее, но достаточно короткая, чтобы выглядеть как ошейник. Зато у Джеки между сиськами, выпирающими из выреза благодаря ухищрениям современного белья, болталась чудовищная подвеска в виде совы.

– Я ее знаю, – сказала я. – Точнее, знала. Мы вместе учились в аспирантуре.

– В аспирантуре... – повторила Оливия. – И чем же она занималась?

– Социолингвистикой.

Оливия фыркнула, но не попросила меня пояснить, что это такое, а снова повернулась к экрану, где по-прежнему выступал тот квартет женщин во главе с ведущим.

Джеки, как обычно, проповедовала.

– Неужели вы и впрямь полагаете, – вопрошала она, – что женщина обязана во всем слушаться своего мужа? Это в двадцать первом-то веке?

Женщина справа от нее, облаченная в нежно-голубой, точно ползунки младенца, кардиган, терпеливо улыбалась. Такой улыбкой, исполненной жалости, понимания и бесконечного терпения, может, например, улыбаться выведенная из себя воспитательница детского сада, если кто-то из малышей слишком разойдется и устроит тарарам. Ты это перерастешь, говорила ее улыбка.

– Позвольте мне кое-что объяснить вам насчет двадцать первого века, моя дорогая, – сказала эта миссис Голубенький Кардиган. – В двадцать первом веке мы перестали понимать, кто такие мужчины и кто такие женщины. Наши дети растут, не понимая этого. К двадцать первому веку оказалась совершенно разрушена культура семьи. У нас постоянные неполадки в дорожном движении, невероятно загрязнен воздух, все чаще встречаются случаи аутизма, растет

потребление наркотиков, чрезвычайно распространены неполные семьи, где родители воспитывают детей в одиночку, у нас повальное ожирение внутри всех возрастных групп, растут потребительские долги, женские тюрьмы переполнены, то и дело стреляют в школах, у мужчин нарушена эректильная функция... Увы, это еще далеко не полный список! – И миссис Голубенький Кардиган взмахнула пачкой белых конвертов, чуть не съездив ими Джеки по носу, а две другие такие же куколки Барби родом из 1970-х – Истинные Женщины, как они себя называют, – с серьезным видом слушали свою товарку и кивали, явно с ней соглашаясь.

Джеки предъявленные конверты проигнорировала и спросила:

– Полагаю, теперь вы сообщите нам, что именно феминизм является причиной столь участившихся случаев насилия?

– Я рада, что вы об этом упомянули, мисс Хуарес, – сказала миссис Голубенький Кардиган.

– Доктор Хуарес.

– Да как угодно. А вам известно, сколько случаев жестокого насилия, согласно официальной статистике, имели место в 1960-е годы? В Соединенных Штатах, я имею в виду.

– Примечательно, что вы использовали выражение «согласно официальной статистике»... – начала было Джеки, но «Барби в голубом» ее перебила:

– Семнадцать тысяч. Или около того. А в этом году мы в пять раз превысили это число.

Джеки округлила глаза, и две другие Истинные Женщины тут же дружно встали на тропу войны. У них в руках были цифры. И таблицы. И результаты научных исследований. И одна из них тут же выложила целую кучу каких-то таблиц, отпечатанных типографским способом, – да уж, они ко всему подготовились заранее и все заранее организовали, подумала я, а Джеки, как всегда, рвется в бой с открытым забралом.

Оливия, сидевшая рядом со мной на диване, тихо промолвила, прикусив нижнюю губу:

– Ох, я и понятия не имела...

– О чем?

– Об этих ужасных цифрах. – И она ткнула пальцем в одну из таблиц, которую как раз показывали крупным планом в сопровождении хорошо подготовленных комментариев из уст Голубенького Кардигана. Теперь эта особа вещала уже не о насилии, а, опираясь на данные статистики, рассказывала о превышении всех возможных норм употребления антидепрессантов. – Боже мой... Неужели каждая из шести? Но ведь это просто кошмар!

Никто в студии и не думал обращать внимание на попытки Джеки развенчать правильность этих статистических данных, объяснить, что они самым ханжеским образом подделаны, подтасованы, и обратить внимание присутствующих на тот факт, что в 1960-е никто не использовал такие антидепрессанты, как селективные ингибиторы обратного захвата серотонина, потому что тогда их еще попросту не существовало.

Вот как все это начиналось. С трех женщин, вооруженных пачкой специально отпечатанных в типографии таблиц, и с благоговением внемлющих им людей вроде Оливии Кинг.

Глава десятая

Заставить Оливию убраться из моего дома вместе с ее проклятой чашкой сахара оказалось непросто. Да и сахар-то ей, похоже, нужен не был; просто захотелось под этим предлогом сунуть нос в мой дом и посмотреть, чем я занимаюсь. Оливия давно уже превратилась в самую истинную из Истинных Женщин и вечно торчала в качалке у себя на крыльчке, держа на коленях Библию, соответствующим образом адаптированную и снабженную нужными комментариями. Она всегда старательно прикрывала свои тщательно уложенные локоны шарфом или платком, всегда всем улыбалась, а Эвану

кланялась – нет, правда, кланялась! – когда он на своем «Бьюике» сворачивал на подъездную дорожку.

Библии были по-прежнему разрешены, но, конечно, только правильные Библии.

У Оливии, например, Библия в розовой обложке, а у Эвана – в синей. И невозможно даже представить себе, чтобы они хотя бы случайно их перепутали; во всяком случае, синюю Библию никак невозможно было бы увидеть у Оливии на коленях, когда она сидит на своем тенистом крыльце со стаканом сладкого чая или ездит «по делам» на своем автомобиле. У Кингов две машины, и автомобильчик Оливии значительно компактней и меньше того, на котором Эван обычно уезжает на работу.

А к двум часам дня я уже почти жалею, что Оливия ушла.

Вытащив из морозилки две упаковки гамбургеров, я раскладываю их на кухонном столе, чтобы разморозить. Картошки на всех точно не хватит, тем более аппетит у троих растущих мальчишек просто невероятный, иной раз мне даже кажется, что у них глисты. В общем, придется им сегодня обойтись рисом. Или можно еще испечь печенье, если, конечно, я сумею вспомнить, сколько чего класть в тесто. Я машинально поворачиваюсь к полочке возле кухонного стола и протягиваю руку за своей старой, любимой, покрытой пятнами книжкой «Радости кулинарии», надеюсь, видимо, что она все еще там. Но, увы, вместо книги по кулинарии, как и вместо всех прочих книг, на полке теперь только фотографии в рамках – наших детей, моих родителей, родителей Патрика, а также наша с Патриком совместная фотография, сделанная во время последнего отпуска. Это нас щелкнул то ли Сэм, то ли Лео, и я на этом фото получилась как бы разрубленной пополам – правая половина моего лица полностью скрыта за рамкой из палочек от мороженого, которую Соня сделала в школе. Очевидно, на уроках труда они по-прежнему мастерят всякие дурацкие «поделки».

Если время от времени переставлять эти фотографии, полочка перестает казаться такой пустой и заброшенной, так что я переставляю их так и сяк, затем помещаю на освободившееся место кухонный таймер и весы и отступаю на шаг, чтобы полюбоваться своими достижениями. Применив капельку воображения, я могу убедить себя, что только что создала некий шедевр типа того, который какой-то идиот, черт бы его побрал, вздумал создать на горе Рашмор[16 - Гора Рашмор находится в горном массиве Блэк-хиллз в Южной Дакоте. В ее граните высечен гигантский барельеф высотой 18,6 м с четырьмя президентами США:

Дж. Вашингтоном, Т. Джефферсоном, Т. Рузвельтом и Авраамом Линкольном.]. Так я скоро начну еще и магнетики на холодильнике переклеивать.

Мои мама и папа теперь стали куда более продвинутыми пользователями современных гаджетов, чем до этих событий последних лет и перемен в «интерьере» нашей страны. И я совсем не уверена, что мне это так уж нравится. Они сами звонят нам из Италии или же беседуют с нами по скайпу – вот только свой лэптоп Патрик держит взаперти у себя в кабинете; компьютер у него снабжен и «клавиатурным шпионом», и камерой, и тысячью всяких других прибулд. Обычно мои родители связываются с нами по воскресеньям, когда Патрик и дети дома и они наконец могут поздороваться со всей нашей семьей, несмотря на разницу во времени. Вообще-то подобное общение должно, видимо, доставлять радость, но под конец каждого разговора мама заливается слезами и поспешно исчезает из поля зрения или передает телефонную трубку папе, чтобы совсем уж не разрыдаться.

Итак. Обед.

Понимая, что дети были бы в восторге от домашнего печенья, я натягиваю джинсы и старую льняную блузку и все же собираюсь рискнуть и посетить супермаркет, но тут вдруг слышу рядом с домом знакомый рев машины Патрика. Я сразу узнаю его автомобиль – уж это-то искусство я отточила за последний год до предела. Назовите мне любой автомобиль – «мустанг», «корвет», «приус», «мини-купер» – и я узнаю его по звуку работающего двигателя.

Но я встревожена отнюдь не тем, что Патрик неожиданно вернулся домой так рано. Осторожно раздвинув планки жалюзи и выглянув наружу, я вижу, как следом за Патриком к нашему дому сворачивают три черных SUV[17 - Sport Utility Vehicle (спортивно-утилитарный автомобиль) – специфический северо-американский тип автомобиля, официально классифицируемый как легкий грузовик, так называемый «семейный автомобиль»]. Я уже видела такие автомобили и раньше.

И то, что у них внутри, я тоже видела.

Глава одиннадцатая

Ах, черт побери!

Три машины – значит, по крайней мере, трое мужчин. И что-то мне подсказывает, что это отнюдь не волхвы, дары приносящие. Уж сегодня-то точно никаких «даров» не будет – после моего ночного выступления на заднем дворе.

Наверняка мне прочтут лекцию. А может, и еще как-то накажут.

Миссис Макклеллан, вы имеете право хранить молчание...

Ладно. Глупая шутка.

Я отпускаю планки жалюзи, и они тут же возвращаются на свое место, и я тоже возвращаюсь на свое место, то есть на кухню, готовясь продемонстрировать неожиданным гостям свою лучшую маску в стиле Донны Рид (придется, правда, обойтись кухонным фартуком) и явить собой картину истинного семейного счастья и уюта. По дороге на кухню я успеваю еще схватить пульт и переключить телевизор с гольфа на Си-эн-эн. Канал, конечно, уже не тот, что раньше – все теперь не то, – но, пожалуй, у Патрика будет больше шансов сохранить за собой прежнюю должность, если все будет выглядеть так, словно я, ничуть не опасаясь передозировки, столовыми ложками лопаю президентскую пропаганду, а не пялюсь бессмысленно на то, как чьи-то наманикюренные пальцы сжимают клюшку и посылают мяч в лунки.

На «бегущей строке» я успеваю прочесть лишь слова «Президент объявляет...», и в эту секунду в мое пространство вторгаются Патрик и его неожиданный «эскорт» – я была не права, их целых шестеро, крепких мужчин в деловых костюмах.

– Джин Макклеллан? – задает вопрос первый из них, загорелый и состоящий, кажется, из одних углов.

Я, разумеется, и раньше его видела. Все его видели уже много раз, только раньше он, появляясь на публике, всегда надевал не галстук, а черно-белый

воротничок священника. Когда в воскресенье утром – мы с Джеки в это время как раз вливали в себя черный кофе, пытаюсь разогнать субботнее похмелье, – он появлялся на экране телевизора, этакая звезда своего собственного шоу, Джеки тут же прибавляла звук, словно боялась пропустить хоть одно его слово; она утверждала, что эти выступления ее бодрят, еще больше распаляя ее гнев.

– Ты слушай, слушай, – говорила она мне. – Наш святой Карл вот-вот снова начнет всякие штуки откалывать.

А вскоре он стал появляться на экране уже в министерской форме, но опять же с проповедями, и каждое воскресенье поочередно вещал то о падении устоев «истинной американской семьи», то о том, какое это счастье – «предать себя во власть Божию». Он с успехом использовал в своих проповедях и исторические анекдоты, и случаи из реальной жизни, а по нижнему краю телеэкрана все время полз один и тот же номер телефона для бесплатных звонков. Через несколько лет там появился и второй номер, а в последнее время – еще и адреса в Фейсбуке и в Твиттере. Господь послал ему интернет-трафик, говорил преподобный Карл, и это только естественно – пользоваться всеми средствами, какие дает Господь.

Но в те годы ни Джеки, ни я даже представить себе не могли, сколько у Карла Корбина появится последователей – куда больше, чем несколько сотен южан-баптистов с берегов Миссисипи, как нам казалось сперва.

Как же мы обе заблуждались!

– Доктор Джин Макклеллан?

Ого, это уже что-то новенькое! Я перестала быть «доктором» примерно с прошлой весны. Вот и Патрик уже улыбается. Я молча киваю – ведь сказать я все равно ничего не могу.

И слышу, как в гостинной одна из «говорящих голов» произносит с экрана телевизора два магических слова: мозговая травма.

Уже этих нескольких слогов мне достаточно, чтобы насторожить уши, но все прочие слова, окружающие эти несколько слогов, и вовсе бьют в меня с силой взбесившейся электрички. Президент. Несчастный случай на лыжах. Брат.

– Доктор Макклеллан, у нас возникла некая проблема. – Это снова преподобный Карл. Надо сказать, в реальной действительности он куда меньше похож на сладкую бело-розовую пастилу и куда больше – на гриб-поганку. Когда он выступает перед телевизионной камерой в поддержку нашего президента, у него все сладкое, и голос, и внешность.

– Потрясающе. Ну, так и решайте ее, – говорю я. – И вообще, я вам что? Гребаный Хьюстон?[18 - Отсылка к выражению «Хьюстон, у нас проблемы».

Первоисточником выражения является фраза «Хьюстон, у нас проблема» («Houston, we've had a problem») командира американского космического корабля «Аполлон-13» Джеймса Лоуэлла, произнесенная им во время экспедиции на Луну в 1970 году.]

Нет, неправда. Ничего такого я не говорю. Я вообще не произношу ни слова.

– Джин, – говорит Патрик. Не «детка», не «милая». Такие нежные словечки, какими обычно пользуются любящие супруги, сейчас неуместны. Сейчас Патрик настроен ужасно по-деловому. – Джин, кое-что случилось.

А Си-эн-эн по телевизору уже трубит во все трубы. Я краем глаза успеваю заметить мелькнувший на экране заснеженный горный склон и лицо Того, Кто Правит Свободным Миром, а рядом с ним, разумеется, лицо Анны, очаровательной в своем сине-бежевом ансамбле. И мне почему-то кажется, что на самом деле она улыбается. Пусть только глазами.

Преподобный Карл делает некий жест, и один из его спутников заходит ко мне на кухню. Мне, в общем-то, это вторжение безразлично, но уж если я должна оставаться безмолвным домашним животным, так дайте мне, по крайней мере, возможность иметь хоть какую-то собственную нору или хотя бы стойло. Собственное домашнее святилище, так сказать.

– Приступайте, Томас, – приказывает Карл.

Вот тут-то и происходит нечто совсем уж странное.

Этот Томас – на нем удивительно мрачный офисный костюм, а на лице еще более мрачное выражение, – тянется к моему левому запястью, и я инстинктивно

отдергиваю руку, точно испуганная бродячая собака, прекрасно знающая, какую боль причиняют разные ловушки. Но тут ко мне подходит Патрик.

– Все хорошо, детка, – успокаивает он меня. – Не волнуйся и позволь им это сделать.

А Томас свободной рукой извлекает какой-то маленький ключик, очень похожий на ключ от кабины лифта, такой округлый простенький ключик, который и годится-то лишь для одной цели. Эта штукавина заставляет меня вспомнить множество других, довольно нелепых, приспособлений, способных делать только что-то одно: открывалки для банок, выжималки для лимонов, резалки для дынь. У нас ведь так много подобных вещей.

И где только мы набрались подобной хрени? Покупной «свадебный дождь», покупные «свадебные подарки», покупные «рождественские чулки с подарками» – импульсивные покупки в Икее. Все это бессмысленное и бесполезное барахло, принесенное в качестве подарка, затем прячут в кухонные шкафы и чуланы, даже не вынув из коробки. Вот о чем думаю я, пока Томас освобождает меня от счетчика, этого высокотехнологичного эквивалента открывалки для пивных бутылок.

– Теперь вы можете говорить, доктор Макклеллан. – И преподобный Карл жестом радушного хозяина приглашает меня пройти в мою собственную гостиную.

И это за сегодняшний день еще далеко не последняя его роль-перевертыш. Впрочем, все, чего они хотят, я уже поняла из программы Си-эн-эн, без конца повторяющей историю о том, как брат президента упал, катаясь на лыжах, и постепенно знакомящей зрителей с подробностями полученной им травмы – повреждено заднее левое полушарие головного мозга; оно жизнеспособно, но коммуникативные функции нарушены, речь абсолютно бессвязная. В общем, мне совершенно ясно, что нужно преподобному Карлу и его команде.

Им нужна я.

Вот если бы Анна Майерс, катаясь на лыжах, получила такую травму, налетев на дерево, я бы бросилась к ней на помощь, не раздумывая ни секунды. Вот только вряд ли тогда за мной приехали бы такие «важные» мужчины на черных SUV, прекрасно знающие, что жена президента лежит в палате интенсивной терапии.

– И что вы хотите от меня услышать? – Слова медленно, осторожно вытекают у меня изо рта, пока я выхожу из кухни и направляюсь напрямик к телевизору, выключаю его и сажусь в одно из боковых кресел. Я не желаю делить пространство ни с кем из этих людей.

– Жарко здесь, – говорит преподобный Карл, поглядывая на холодильник.

– Да, жарковато, – откликаюсь я.

Кто-то из его свиты – но не Томас – выразительно кашляет.

Я делаю вид, что поняла намек, и говорю:

– Патрик, дорогой, раз уж ты все равно на кухне, так, может, нальешь нашим гостям холодной водички?

И Патрик наливает воду, и приносит поднос со стаканами в гостиную, и все, естественно, замечают, как неодобрительно качает головой преподобный Карл. Ведь именно мне, жене, полагается обслуживать гостей.

– Итак? – говорю я. – Насколько я поняла, у Бобби Майерса мозговая травма? Локализация?

Преподобный Карл устраивается на козетке напротив моего кресла и предлагает Патрику:

– Вы же медик, Патрик, так, может быть, покажете ей отчет, полученный по факсу сегодня утром из госпиталя?

И мой муж, которого этот гнусный тип, с такой легкостью год назад надевший на меня проклятый металлический наручник, запросто называет по имени, подчиняется: предложив гостям принесенные им стаканы с водой, он вытаскивает из-под мышки тонкую папку и протягивает мне.

– По-моему, Джин, тебя должно это заинтересовать.

О да, я, безусловно, заинтересована. Собственно, весь текст уместился на первой же странице, и уже на второй строчке мои глаза отыскивают причину столь неожиданного визита преподобного Карла: поврежден задний отдел головного мозга. Верхняя височная извилина. Левое полушарие. Пациент – правша, значит, у него левое полушарие доминантное.

– Зона Вернике, – говорю я, ни к кому конкретно не обращаясь, и продолжаю читать, чувствуя, какой непривычно легкой кажется мне моя левая рука, и на ней, на запястье, прямо-таки светится полоска незагорелой кожи – такое ощущение, словно я сняла наручные часы и собираюсь нырнуть в бассейн. Один из секретных агентов – я полагаю, что это именно они, особенно если учесть присутствие Карла Корбина, – невольно потирает собственное запястье, и я замечаю у него на безымянном пальце левой руки простое золотое кольцо. Значит, он женат и все понимает. Зато мне непонятно, в каком он лагере; как, впрочем, и Патрик. Все эти слуги государства обучены следовать за своим хозяином, точно щенки.

Услышав мое замечание, преподобный Карл кивает:

– Да. И президент очень обеспокоен.

«Еще бы!» – думаю я. Господин президент весьма сильно зависит от своего старшего брата, и ему, черт возьми, придется ох как нелегко, когда он попытается либо что-то сообщить Бобби, либо что-то у него узнать. Примеры подобных будущих разговоров сами собой возникают в моем мозгу:

«В Афганистане сложилась весьма сложная ситуация, Бобби», – скажет президент.

А Бобби в ответ заявит что-нибудь такое: «Симпатично мерцают твои банановые страсти». И при этом речь его будет вполне ясной, членораздельной и плавной, каждый звук будет идеально артикулирован, но в итоге получится абсолютнейшая чушь: не шифровка, не некая недоговоренность, не детская игра, а самая настоящая чепуха, какую обычно несут те, кого когда-то было принято называть идиотами – в клиническом смысле этого слова.

Я изо всех сил стараюсь сдержать улыбку, и для этого мне приходится довольно сильно прикусить себе щеку изнутри – в данный момент я просто обязана

сохранить на лице выражение полнейшей серьезности, глубокой озабоченности и осознания собственного долга.

Я внимательно просматриваю остальные страницы. На снимках, сделанных МРТ, или магнитно-резонансным томографом, отчетливо видны серьезные повреждения именно там, где я и предполагала, – в цитоархектоническом поле Брамана 22.

– Травма получена в результате падения? Во время лыжной прогулки? – спрашиваю я. – Никаких указаний на повреждения, полученные ранее, не имеется?

Ну, конечно же, они не знают. В тридцать четыре года мужчины вряд ли имеют привычку регулярно прибегать к сканированию головного мозга – по крайней мере, без особой на то необходимости.

– Он когда-либо раньше страдал от головных болей?

Преподобный Карл пожимает плечами.

– Это «да» или «нет», преподобный отец? – спрашиваю я.

– У меня таких сведений нет.

Тогда я поворачиваюсь к Патрику, но он только головой качает:

– Ты пойми, Джин: мы не имеем права раскрывать информацию, касающуюся медицинской истории членов президентской семьи.

– Но вы же хотите, чтобы я вам помогла?

– Вы наш ведущий эксперт, доктор Макклеллан. – Преподобный Карл то ли подошел на шаг, то ли просто наклонился, опершись о кофейный столик, но его лицо – сплошные резкие линии – вдруг оказалось совсем рядом с моим лицом, буквально в паре дюймов от него. В нем явственно чувствуется нечто злое, враждебное, и все же, надо признаться, он по-прежнему весьма недурен собой. Пиджак свой он так и не снял, несмотря на жару, но и под пиджаком

чувствуется, какое крепкое, тренированное у него тело. А ведь многие женщины – особенно такие, как Оливия Кинг, – думаю я, наверняка тайно в него влюблены.

Искушение поправить его и подсказать, что использование настоящего времени в данном случае совершенно неуместно, слишком велико, чтобы перед ним устоять, и я говорю:

– Была, преподобный отец. Я была ведущим экспертом. И вряд ли должна напоминать вам, что весь последний год была отлучена от работы.

Преподобный Карл никак на мое ядовитое замечание не реагирует и снова усаживается поудобней, сложив руки перед собой так, что его длинные пальцы образуют идеальный равнобедренный треугольник. Может, он специально упражняется в этом перед зеркалом?

– Что ж, именно поэтому мы вас сегодня и навестили. – Он делает многозначительную паузу – он и во время своих телевизионных проповедей очень любит прибегать к подобному театральному эффекту, что, на мой взгляд, является несколько избыточным и даже каким-то суетным.

Но я уже знаю, что он собирается сказать дальше, и перемещаю свой взгляд сперва на Патрика, а затем и на остальных людей, заполнивших нашу гостиную.

– Доктор Макклеллан, – торжественно произносит преподобный Карл, – мы бы хотели, чтобы вы присоединились к нашей команде.

Глава двенадцатая

К нашей команде.

Сто ответов кипят, пузырятся в моей душе, и девяносто девять из них означают отставку – или даже что-то хуже – для Патрика. Но я не чувствую ни малейшей заинтересованности, ничего хотя бы близкого к желанию немедленно взяться за работу, я даже слов подходящих не могу найти, чтобы как-то завуалировать это

мое нежелание. А вместо радостного возбуждения при мысли о своих заброшенных исследованиях я испытываю где-то глубоко внутри сильную боль, словно преподобный Карл пользуется не словами, а острыми когтями, которые и вонзает в меня с сатанинским сладострастием. Возможно, в данный момент я им действительно очень нужна, однако их потребность в моих услугах отнюдь не равносильна моему собственному желанию. И потом, я попросту никому из этих людей не верю.

– А выбор у меня есть? – спрашиваю я. Этот вопрос кажется мне достаточно безопасным.

Преподобный Карл расцепляет свои пальцы, разделяет ладони и возносит руки в своем знаменитом жесте молящегося святого. Я неоднократно видела этот жест по телевизору, когда Карл о чем-то просил: о помощи, о том, чтобы среди его паствы появилось как можно больше Истинных Женщин, Истинных Мужчин, Истинных Семейств, или же просто о сборе денежных средств. Но сейчас мне его воздетые в молитвенном жесте руки кажутся похожими на тиски, и тиски эти готовы так сдавить меня, что я попросту взорвусь.

– Разумеется, есть, – говорит он, и голос его звучит как-то чересчур великодушно, с этакой фальшивой добротой. – Я понимаю, какие чувства вы сейчас, должно быть, испытываете, как трудно будет вам оставить свой дом и детей, как непривычно будет вновь оказаться в беличьем колесе трудовых забот... – Он делает вид, будто подыскивает нужные слова, а на самом деле обшаривает глазами мой дом, где, как всегда, царит беспорядок: три пары моих туфель так и валяются там, где я их сбросила с ног еще на прошлой неделе; подоконники покрыты слоем пыли; прямо под ногами у Карла на ковре расплылось старое пятно от пролитого кофе.

Асом домоводства я никогда не была.

А он продолжает:

– Мы побеседовали и с другим ученым, доктором Кван, на тот случай, если нам потребуется ее поддержка. Вы, я полагаю, знаете доктора Кван?

– Да, конечно.

Лин Кван возглавляет наш отдел. Точнее – возглавляла, пока ее не убрали, заменив первым попавшимся мужчиной. И сейчас можно даже не спрашивать, почему они не обратились за помощью именно к нему – если Лин уперлась, то этому типу, а я хорошо его знаю, моментально обрежут все фонды после первого же неудачного эксперимента. Ведь он абсолютно ни на что не годен.

– Итак, – говорит преподобный Карл, – у вас два варианта. – Руки он теперь опустил и на меня больше не смотрит. Зато он пристально смотрит на тот стальной наручник, который Томас вот уже минут двадцать держит наготове. – Выбирайте: либо вы создаете новую лабораторию, заново начинаете свои исследования и продолжаете двигаться вперед, либо...

– Либо? – спрашиваю я, глядя Патрику прямо в глаза.

– Либо все снова вернется к привычному для вас положению вещей. Не сомневаюсь, ваша семья этому только обрадуется. – Говоря это, он тоже смотрит исключительно на Патрика, словно пытаюсь понять, какова будет реакция моего мужа.

Господи, думаю я, да разве мы успели за этот год хоть как-то привыкнуть к установившемуся порядку! И тут меня осеняет: а ведь Карл Корбин, пожалуй, и в самом деле верит в то, что проповедует. Раньше мне казалось, что он соткал эту паутину, это Движение Истинных, исключительно из женоненавистнических соображений, желая возродить викторианский культ семейных ценностей и удержать женщин от какого бы то ни было участия в общественной жизни. В какой-то степени мне даже хочется, чтобы это мое предположение оказалось правдой; это было бы не так подло, как нынешняя альтернатива.

Собственно, первым, кто открыл мне глаза, был Стивен; это произошло года два назад, воскресным утром.

– Ну что ты, мам, это же вроде как наша традиция. Как в старые времена.

– В старые? Это в какие же «старые»? Ты имеешь в виду Древнюю Грецию? Шумер? Вавилон?

Стивен насыпал в плошку вторую порцию хлопьев, порезал два банана, вмешал их туда и хорошенько залил все это молоком. Глядя на это, я подумала:

к пятнадцатилетию Сэма и Лео мне придется купить фьючерсы в «Чириос».

– Ну да. Это ведь у греков возникла мысль об отделении сферы общественной от сферы личной, но корнями-то эта идея уходит в куда более древние времена. Вспомни первобытно-общинный строй, когда люди занимались охотой и собирательством. Мы чисто биологически приспособлены для разных вещей.

– Мы? – переспросила я.

– Мужчины и женщины, мам. – Он перестал хрустеть хлопьями и продемонстрировал мне свою согнутую в локте правую руку. – Видишь? У тебя таких мускулов не будет, даже если ты каждый день в течение целого года станешь в спортзале потеть. – Он, должно быть, понял по моему лицу, что этот довод меня ни капельки не убедил, и несколько сменил направление. – Я не хочу сказать, что ты вообще слабая. Просто ты другая, чем я.

Господи.

Я ткнула пальцем себе в висок.

– Видишь эту голову, деточка? Может быть, если ты поучишься хорошенько еще лет десять, то и твои мозги разовьются примерно до того же уровня. А может, и нет. И возможность подобного развития интеллекта не имеет, черт побери, ни малейшего отношения к гендерным различиям. – Я почувствовала, что мой голос начинает звенеть от гнева.

– Успокойся, мам.

– Не смей говорить мне «успокойся»!

– У тебя уже чуть ли не истерика начинается. Я ведь только сказал, что есть определенный биологический смысл в том, чтобы женщины занимались одним, а мужчины – другим. Ну, например, ты вот отличный университетский преподаватель, но ведь ты, должно быть, и часа не продержишься, если тебе, скажем, придется все время канавы копать.

Вот оно.

– Я ученый, Стивен, а не воспитательница детского сада. И никакая истерика у меня не начинается.

Ну, пожалуй, истерика-то была очень близка.

Во всяком случае, руки у меня здорово дрожали, когда я наливала себе вторую чашку кофе.

Но Стивену все еще было мало. Он вытащил свой учебник для этого подготовительного курса по религиоведению – религиозному бредоведению 101 или как он там называется – и начал зачитывать:

– «Женщина не имеет тяги к избирательной урне, но у нее есть собственная сфера, сфера удивительно ответственная и важная. Небеса назначили женщину хранительницей домашнего очага... и она должна бы в полной мере осознать, что ее положение жены и матери, ангела-хранителя всей семьи – это наиболее священное, наиболее ответственное и поистине царственное положение среди всех прочих смертных; и ей следовало бы презреть все прочие амбиции и стремления, ибо нет на свете более высокого положения и предназначения». Между прочим, мама, это слова преподобного отца Джона Мильтона Уильямса. Видишь? Ты царственна.

– Ага, я в восхищении. – Мне просто необходимо было выпить третью чашку кофе, но я не хотела, чтобы Стивен заметил, до какой степени я на взводе, так что кофейник и чашка так и остались на кухонной стойке. – По-моему, тебе все-таки следовало бы отказаться от этого курса.

– Ты что?! Это невозможно, и потом я уже увлекся. Там точно есть над чем поразмыслить. Даже кое-кто из наших девочек так считает.

– Вот уж в это мне определенно поверить сложно, – сказала я, не особенно заботясь о том, чтобы скрыть прозвучавшую в моем голосе фальшь.

– Но это так. Вот, например, Джулия Кинг...

– Джулию Кинг пока что нельзя считать полноценной представительницей женского населения страны. – Бедная девочка, подумала я. Интересно, что

сотворили со своей дочерью наши ближайшие соседи, чтобы до такой степени промыть ей мозги? – Нет, правда, Стивен. Откажись от этого курса.

– Нет.

Пятнадцать лет. Возраст неповиновения. Я хорошо это понимала – я и сама когда-то была такой.

На кухню зашел Патрик, вылил в кружку остатки кофе и туда же свалил из миски Стивена остатки хлопьев с бананами и молоком.

– Что тут у вас происходит? – спросил он, проведя ладонью по волосам Стивена, а меня клюнув в щеку. – Пожалуй, рановато для домашних разборок.

– Мама хочет, чтобы я отказался от подготовительного курса по религиоведению.

– А почему? – спросил Патрик.

– Не знаю я. У нее спроси. По-моему, ей наш учебник не нравится.

– Ваш учебник – полное дерьмо, – без обиняков заявила я.

Патрик взял учебник в руки, перелистал, точно детскую книжку с картинками, и сообщил:

– А по-моему, не так уж и плохо.

– А ты попробуй его почитать, милый, может, у тебя совсем другое мнение появится.

– Да ладно тебе, детка. Пусть слушает те курсы, какие сам хочет. В конце концов, это ничему не повредит.

Наверное, в этот момент я впервые и возненавидела своего мужа.

И вот теперь я сижу у себя в гостиной и с ненавистью посматриваю на тех семерых мужчин, что сидят и стоят вокруг меня, рассчитывая, что я вот-вот «присоединюсь к их команде».

– Мне бы хотелось уточнить кое-какие детали, – говорю я. Может, они не сразу заметят, что я вожу их за нос?

Вы вполне можете подумать, что я спятила, раз немедленно не схватилась за первую же возможность вернуться к любимой работе. В общем, я могу вас понять.

Нам, безусловно, пригодилась бы моя зарплата. И я, конечно же, истосковалась по исследовательской работе, по своим книгам, по общению с Лин и моими верными помощниками-аспирантами. Я истосковалась по нормальным, интересным разговорам.

Но более всего мне весь этот год не хватало надежды.

А ведь мы, черт побери, были так близки к цели!

Это была идея Лин: бросить нашего едва оперившегося птенца – работу над афазией Брока, связанную с частичной потерей речи, – и заняться исключительно афазией Вернике. Рациональное зерно ее рассуждений было мне понятно: пациенты с афазией Брока заикались и запинаясь, испытывая при попытках говорить невероятные страдания, но все же были способны делать это осмысленно. По большей части их способность воспринимать чужую речь и пользоваться словами родного языка осталась неповрежденной; у них была лишь резко ослаблена способность превращать слова в связные предложения – вследствие инсульта, или падения с лестницы, или иной травмы головы, полученной, например, во время странствий по некой пустынной стране в военной форме американского свободного мира. Но эти люди вполне слышали и понимали своих жен, дочерей и отцов, которые всячески их поддерживали и подбадривали. А вот жертвы других обстоятельств – те, у кого повреждение головного мозга оказалось куда серьезней, как, например, у Бобби Майерса, – понесли более страшные потери. Их речь превратилась в некий не имеющий выхода лабиринт бессмыслиц, в набор слов, утративших свое прежнее значение. По-моему, примерно те же чувства должен испытывать человек, потерявшийся в открытом море.

Так что если честно, то мне, конечно же, хочется вернуться на работу. Хочется вновь упорно колдовать над нашей сывороткой и наконец – как только я буду окончательно к этому готова – ввести ее в старые вены миссис Рей. Я хочу снова услышать ее рассказы о дубе виргинском, о магнолии звездчатой, о сирени обыкновенной – как она делала это, когда впервые появилась у меня дома, лучше любого парфюмера определяя и описывая аромат зеленого дуба, или гигантских магнолий с цветами-звездами, или чудесной сирени. Все это она считала даром божьим, и я абсолютно спокойно эту терминологию терпела. Чьим бы даром вся эта красота ни была – ее или Его, – она, безусловно, была также следствием замечательной профессиональной работы с деревьями и цветами.

А также, если честно, мне попросту плевать и на нашего президента, и на его братца, да и на любого мужчину.

– Ну, доктор Макклеллан? – Это снова преподобный Карл.

Как мне хочется сказать ему «нет».

Глава тринадцатая

Господи, до чего же здесь жарко! Наверно, кондиционер снова потек. И почему это нам всегда так везет?

Я встаю, джинсы так и липнут к моему заду, тащусь на кухню, наливаю себе стакан холодной воды и зову Патрика:

– Можно тебя на минутку? Мне помощь требуется. – И Патрик, собрав в гостиной пустые стаканы, послушно приходит на мой зов.

Я быстренько сую в морозилку один стакан за другим, а он, взяв меня за левое запястье, спрашивает:

– Ты же не хочешь, чтобы та штуковина снова на твою руку вернулась?

Я мотаю головой – но скорее по привычке.

– Тебе лучше воспринимать это как обыкновенную сделку, детка. Что-то получают они, а что-то – ты.

– Я бы предпочла воспринимать это именно так, как есть на самом деле. А на самом деле это самый настоящий гребаный шантаж.

Патрик вздыхает так тяжело, словно задерживал у себя в легких целую вселенную.

– Пусть так, но тогда сделай это ради детей.

Ради детей.

Стивену все равно. Он страшно занят: заполняет анкеты для колледжа, пишет экзаменационные эссе и зубрит материал к экзаменам, которые уже на носу. К тому же он весь семестр пялился на Джулию Кинг. Близнецам всего одиннадцать, и у них есть футбол и Little League[19 - Бейсбольная лига, в командах которой играют дети до 12 лет.]. А вот о Соне забывать нельзя. И уж если я все-таки соберусь обменять свои мозги на возможность говорить, то сделаю это ради нее.

Видимо, мысли у меня в голове с таким шумом вращаются в своем «беличьем колесе», что Патрик замечает это, прекращает возню со стаканами, отставляет в сторону поднос и поворачивает меня лицом к себе.

– Сделай это хотя бы ради Сони.

– Но сперва я хочу узнать обо всем как можно подробнее.

И, как только я возвращаюсь в гостиную, мне это удается.

Преподобный Карл уже успел превратиться из политика в торговца и уверенно меня соблазняет.

– Разумеется, на все время работы над проектом ваш наручный счетчик будет снят, доктор Макклеллан. Если, конечно, вы согласитесь... Вам предоставят первоклассную лабораторию, любые необходимые средства и любых помощников. Мы можем также... – он сверяется с каким-то документом, достав его из другой папки, – предложить вам очень приличную стипендию и дополнительный бонус в том случае, если вы сумеете исцелить больного в течение ближайших девяноста дней.

– И что будет после? – спрашиваю я, снова усаживаясь в кресло и чувствуя, что джинсы вновь мгновенно прилипают к моему задку.

– Ну... – Он, словно ища подсказки, поворачивается к одному из секретных агентов.

Тот кивает.

– Я снова вернусь к сотне слов в день? – догадываюсь я.

– На самом деле, доктор Макклеллан – учтите, я говорю это вам строго конфиденциально, понимаете? – мы будем понемногу увеличивать квоту, начиная с некоего определенного момента в будущем, когда все вновь вернется на круги своя.

Так, это уже что-то новенькое. Я решаю подождать еще; мне хочется посмотреть, какие еще конфиденциальные подачки вытащит у себя из рукава преподобный Карл.

– Мы очень надеемся... – теперь он полностью вернулся к роли проповедника, – что со временем люди успокоятся и обретут опору в новом ритме жизни, вот тогда эти глупые маленькие браслеты больше никому не понадобятся. – Он пренебрежительно взмахивает рукой, словно речь идет о каком-то жалком модном аксессуаре, а не об орудии пытки.

Конечно, боль мы испытываем, только если нарушаем правила.

Я помню тот день, когда узнала об этих правилах.

Мы потратили на это всего минут пять в одном из белоснежных правительственных учреждений. Мужчины там, помнится, все за что-то мне выговаривали, но по-человечески так ни разу со мной и не поговорили. Затем они сообщили мне, что Патрика обо всем уведомят и дадут ему соответствующие инструкции, а к нам домой пришлют некую команду – сегодня вечером вам удобно? – которая установит камеры наблюдения на передней и задней дверях дома; эти люди также отберут у меня компьютер, упакуют в коробки все наши книги, даже Сонин букварь «Ребенок учит алфавит», и запрут у Патрика в кабинете. Детские настольные игры тоже будут сложены в коробки и отправятся в кабинет. А Соню, которая всего пять лет назад перестала быть частью моего тела, начав самостоятельную жизнь в этом мире, мне надлежало завтра в полдень привести сюда же, чтобы и на ее тоненькое запястье надели такой же браслет-счетчик. У них имелся огромный выбор этих штукун, прямо-таки радуга красок, и мне было предложено выбирать любой.

– Для маленькой девочки, пожалуй, лучше всего нежно-розовый, – посоветовали они мне.

Но я выбрала себе серебристый, а Соне кроваво-красный. Обычный маленький акт неповиновения.

Затем один из них куда-то ушел и вернулся с тем счетчиком, которому предстояло заменить у меня на запястье часики «Эппл», которые Патрик в прошлом году преподнес мне в качестве рождественского подарка. Металлический браслет оказался довольно легким, гладким на ощупь и ощущался у меня на коже как-то непривычно.

Тот же человек настроил счетчик в соответствии с тембром моего голоса, поставил его на ноль и отправил меня домой.

Естественно, я не поверила ни одному их слову. Ни тем рисункам, в которые они тыкали пальцем, демонстрируя мне всякие иллюстрированные руководства, ни предупреждениям Патрика, который все-таки снова прочел мне эту инструкцию вслух, пока мы с ним на кухне пили чай. Когда Стивен и близнецы ворвались в дом, вернувшись из школы, наперебой выкладывая новости о футболе и о результатах экзаменов, а Соня, забросив любимых кукол, занялась своей новой «игрушкой» – блестящим красным браслетом, на который она смотрела как замороженная, – у меня словно прорвало плотину. Слова лились из меня потоком, и я никак не могла их обуздать. Сама того не сознавая, я наполнила комнату

сотнями ярких слов, всех цветов и форм. Но в основном эти слова принадлежали к мрачной, сине-черной части спектра и были острыми как кинжалы.

Боль буквально сбила меня с ног, заставив рухнуть ничком.

Наш организм обладает определенным механизмом, позволяющим забыть физическую травму или, скажем, родовые муки. А потому, как это было и после родов, мне удалось заблокировать все воспоминания о боли, ассоциировавшиеся с тем днем, но я так и не смогла забыть слезы на глазах у Патрика и искаженные от ужаса лица моих сыновей, а на заднем плане радостные попискивания Сони, играющей со своим красным браслетом. И еще кое-что я запомнила отчетливо – как она, моя маленькая девочка, поднесла к губам это вишневое чудовище, словно целуя его.

Глава четырнадцатая

Слава богу, они наконец уходят.

Преподобный Карл ныряет в свой «ренджровер», тайные агенты и Томас садятся в другие автомобили, а мы с Патриком остаемся у себя в гостиной в окружении восьми пустых стаканов из-под воды, под которыми на подставках еще не высохли мокрые кружки.

Ничего так и не было решено.

Патрик меряет шагами комнату, он весь взмок, и волосы его, обычно тщательно уложенные гелем, светлыми сосульками свисают на лицо. В данный момент он похож не на моего мужа, а на сидящего в клетке крупного хищника из породы кошачьих. Или, может, на одичавшего пса; да, пожалуй, все-таки на пса, ведь собаки – стайные животные.

– Они же не снимут с Сони счетчик, – говорю я.

– Снимут. Но не сразу. Ты только представь, что будет в школе, если она появится там без...

- Не смей называть это браслетом! – сердито прерываю его я.

- Хорошо. Без этого счетчика.

Я составляю стаканы на поднос, стараясь пользоваться только большим и указательным пальцами – мне и двумя-то пальцами не хочется к ним прикасаться, – а уж после того, как мне пришлось пожать руку преподобному Карлу, я испытываю непреодолимое желание оттереть свою ладонь щелоком.

- А разве сам ты не можешь как-то на них повлиять? Ты же сказал, что это сделка, так давай вместе с ними торговаться. Предположим, я дам этим ублюдкам согласие выйти на работу, но пусть тогда и они дадут моей дочери возможность свободно разговаривать.

- Я посмотрю, что тут можно сделать.

- Патрик, ты же гребаный советник президента по науке! Так что ты уж лучше все-таки постарайся сделать хоть что-нибудь!

- Джин.

- И нечего твердить «Джин, Джин»! – И я изо всех сил бью по столу рукой с зажатым в ней стаканом. Стакан, естественно, разлетается вдребезги.

Патрик мгновенно склоняется надо мной, промокая кровь, льющуюся из моей разрезанной ладони.

- Не прикасайся ко мне! – Один тонкий осколок вонзился мне прямо под большой палец. Оттуда-то в основном и льется кровь. Довольно обильно льется.

Сунув раненую руку под кран, я смотрю, как вода оmyивает мою рану, и мысленно возвращаюсь на полчаса назад, в тот момент, когда преподобный Карл «держал двор» у нас в гостиной, посвящая меня в свои планы на будущее.

Что-то во всем этом было не так. Возможно, его глаза, которые не улыбались, когда улыбался его рот. Или само построение его фраз. Казалось, что каждое

предложение как-то слишком хорошо отрепетировано, выучено прямо-таки «на отлично» и в плане голосовых модуляций, и в плане интонаций. И все-таки в его речи чувствовалась неуверенность – слишком много было всяких «хм» и «э-э-э», засорявших его плавный рассказ о различных президентских намерениях, всевозможных переменах, модификациях и освобождениях от обязательств.

Я, правда, не смогла бы сейчас точно назвать то мгновение, когда поняла, что не верю ни одному его слову.

– А что, если они в очередной раз затеяли какую-то гнусную игру, Патрик? – громко спрашиваю я под аккомпанемент льющейся воды. Патрик молчит, он пинцетом вытаскивает из моей руки кусочки стекла и бросает их в мусорное ведро. Я отворачиваюсь; мне не хочется на это смотреть: слишком сильно эти осколки напоминают наш разваливающийся брак.

Но ведь так было далеко не всегда. Четверо детей случайно не рождаются.

Я все еще стою у раковины, и Патрик снова подходит ко мне, тщательно, как это умеют только врачи, моет руки до самых локтей, потом вопросительно на меня смотрит и осторожно берет за запястье. Он всегда прикасается ко мне очень ласково.

– Что сначала – хорошая новость или плохая?

– Хорошая.

– Ладно. Хорошая новость: ты не умрешь.

– А плохая?

– Я сейчас принесу все для шитья.

Швы. Вот дерьмо.

– Сколько швов?

– Два или три. Не беспокойся – выглядит хуже, чем есть на самом деле. – Он приносит свой черный медицинский саквояж и наливает мне стаканчик бурбона. – Вот. Выпей-ка. Будет не так больно. – Затем он усаживает меня за кухонный стол и готовится играть со мной в «доктора и раненого», собираясь зашивать порез у меня на руке.

Я делаю большой глоток виски и чувствую, как игла без особой боли входит в мою продезинфицированную плоть. Но я все-таки стараюсь не смотреть и вовремя подавать Патрику требуемые инструменты.

– Черт возьми, как хорошо, детка, что ты не поехала в частную лечебницу, – говорит он, и между нами снова воцаряется почти забытая нежность.

На минутку.

Патрик умело завязывает узел, обрезает концы хирургической нити и ласково треплет меня по руке.

– Ну, вот и все, доктор Франкенштейн. Выглядишь совсем как новенькая.

– Это вовсе не у доктора Франкенштейна шея на молнию застегивалась, – поправляю его я. – И все-таки как ты думаешь: они нас за нос водят или действительно намерены выполнить свои обещания?

– Не знаю, Джин. – Снова эта «Джин»! Он что, совсем сдурел?

– Слушай, если я все-таки соглашусь возобновить свою работу, то как мне проверить, что они не намерены... ну, я не знаю... не намерены воспользоваться ее результатами для создания... некоего всемирного зла?

– С помощью антиафазийной сыворотки? Да ладно тебе.

От потери крови и выпитого виски голова у меня немного кружится.

– Я им просто не доверяю, этим людям.

– Ну, хорошо. – Патрик и себе наливает виски, а затем с оглушительным грохотом ставит бутылку на стол. – Раз так, то не соглашайся! Не берись за эту работу. А с кондиционером мы разберемся, когда на следующей неделе поступят деньги на счет. Ты завтра же снова сможешь натянуть свой чертов браслет, и все мы окажемся точно там же, где и были сегодня с утра, и все вернется на круги своя! – Он уже почти орет. И я тоже ору:

– Пошел ты!

Я вижу, что он уязвлен, что он буквально обезумел от отчаяния, но это отнюдь не оправдывает тех слов, которые в следующую минуту вылетают у него изо рта; их он уже никогда не сможет взять назад, они вонзаются в мою душу куда глубже, чем любой осколок стекла, и душа моя снова и снова истекает невидимой ему кровью.

– Ты знаешь, детка, – говорит он, – вот ведь что интересно: а не было ли лучше, когда ты не имела возможности так много говорить?

Глава пятнадцатая

Сегодня у меня на запястье нет металлического наручника, однако обед у нас проходит до странности тихо.

Стивен, обычно чрезвычайно разговорчивый и успевающий выболтать целую кучу вещей, не забывая при этом набивать рот едой, сегодня ни слова не сказал ни о Джулии Кинг, ни о футболе. Близнецы тоже как будто чем-то смущены и ерзают на стульях. Соня то и дело поднимает глаза от тарелки и смотрит на мое левое запястье; она вообще молчит с тех пор, как пришла из школы. И вот еще что странно: Соня со Стивеном так и не стукнулись кулаками в своем обычном шутовском приветствии.

Что касается Патрика, то он, быстро покончив с обедом, относит свою тарелку на кухню и исчезает в кабинете, прихватив графин с бурбоном и что-то буркнув насчет необходимости закончить некую срочную работу. И, пожалуй, невозможно сказать, на кого он больше сердится – на меня или на себя.

– Ты объясни им все, Джин, – говорит он, закрывая дверь в свое святилище, где вдоль стен выстроились стеллажи с книгами.

А как я им «все объясню»?

Я уже больше года не имела возможности поговорить со своими детьми по-настоящему. Если раньше у нас мог возникнуть весьма оживленный спор насчет того, является ли Покемон Го пустой тратой времени или самым умным игровым изобретением со времен Xbox, то теперь четыре юные физиономии повернуты ко мне, мои дети смотрят на меня в безмолвном ожидании неких разъяснений, ибо сейчас я сама для них – главное событие.

Я могла бы, конечно, схитрить и как-то преодолеть возникшее затруднение.

– Итак, Стивен, что у тебя нового в школе? – спрашиваю я.

– Завтра два экзамена. – Такое ощущение, словно это ему отпущен некий ежедневный лимит слов.

– Хочешь, я помогу тебе подготовиться?

– Не-а. Я лучше сам. Да я, в общем, готов. – И он, словно опомнившись, прибавляет: – Но все равно спасибо.

Сэм и Лео разговаривают несколько более охотно и в ответ на мои вопросы забрасывают меня новостями о том, что у них новый футбольный тренер, а препода на практических занятиях им удалось ловко провести, несколько раз выдав себя друг за друга. В общем, как раз близнецы-то и болтают больше всех. По-моему, это их привычное состояние.

И только Соня смотрит на меня удивленно, широко раскрытыми глазами, словно это вовсе не я, а кто-то совсем другой. Словно у меня вдруг мохнатая шкура появилась. Или я превратилась в дракона. Она так и не съела ни кусочка «мясного хлеба», который я положила ей на тарелку, склевав лишь несколько кусочков картошки, за которой я успела сбегать в магазин после утренней ссоры с Патриком.

– Значит, теперь мне приснится еще один плохой сон? – вдруг спрашивает она. И я машинально отвечаю ей вопросом на вопрос, причем вопросом совершенно неправильным.

– Почему ты так решила, детка? – Впрочем, я тут же спохватываюсь и поправляюсь: – Ну что ты, я никогда больше не позволю, чтобы тебе снились плохие сны. А сегодня я перед сном расскажу тебе какую-нибудь интересную историю, хочешь?

Она молча кивает. У нее на запястье ярко горит цифра 40. Потом все-таки говорит:

– Мне страшно.

– Тебе совершенно не нужно бояться.

Сэм и Лео нервно переглядываются, и я, заметив это, качаю головой. А Стивен подносит палец к губам – это совершенно нормально, он часто делает такой безмолвный знак своей младшей сестренке.

В ответ Соня опять молча кивает. Но в ее глазах – ореховых ирландских глазах Патрика – сверкают непролитые слезы.

– Ты все еще боишься? – спрашиваю я.

Еще один кивок.

– Плохих снов?

Теперь она яростно мотает головой.

Дело в том, что Соня не знает, что могут сделать с человеком эти счетчики слов. Ей известно, конечно, что они умеют ярко светиться, показывать разные цифры и пульсировать на запястье каждый раз, как она произнесет очередное слово. Мы изо всех сил старались сохранить в тайне от нее возможное наказание за превышение отпущенного лимита слов. Возможно, с моей стороны это глупо, но я просто не в состоянии была придумать, как описать боль от электрошока

шестилетнему ребенку. С тем же успехом можно было бы рассказать Соне об ужасной казни на электрическом стуле, имея целью всего лишь объяснить ей, что правильно, а что неправильно. Мерзкие и совершенно ненужные разговоры. Какой родитель стал бы рассказывать об устройстве электрического стула, желая внушить своему сынишке, что обманывать и красть нехорошо?

Когда нам на руки надели счетчики – кстати, даже для детей никакого «акклиматизационного» периода власти не предусматривали, – я решила зайти в вопросе экономии слов с противоположной стороны. Ложка мороженого, еще одно шоколадное печенье перед сном, горячее какао с таким количеством алтея, какое поместится в чашке – в общем, любое лакомство каждый раз, как Соня вместо слов воспользуется жестами: кивнет, помотает отрицательно головой или просто потянет меня за рукав. Позитивное усиление запрета лучше наказания. Мне не хотелось, чтобы она поняла, каково на самом деле это наказание. Нет, только не тем болезненным способом, каким эта наука далась мне!

Кроме того, я успела и еще кое-что узнать насчет этих счетчиков: с каждым новым нарушением лимита боль становится все сильнее.

А в тот, самый первый раз мой перерасход слов был настолько велик, что я как бы сразу миновала все первые степени наказания, и в итоге шрам от ожога так и красуется у меня на руке. Впоследствии, накладывая кольдкрем мне на обожженное запястье, Патрик объяснил:

– Понимаешь, Джин, если ты превысишь лимит всего на одно слово, то получишь только легкий удар током. Ничего особо травмирующего, просто легкая встряска. Предупреждение. Ты, разумеется, этот удар почувствуешь, но сильной боли он не причинит.

«Потрясающе», – думала я.

– За каждые последующие десять слов сверх лимита наказание усиливается на одну десятую микрокулона. Если получить половину микрокулона, боль будет весьма ощутимой. А если целый микрокулон, тогда... – он отвернулся и помолчал, – тогда боль станет невыносимой. – Он взял мою левую руку, проверил число на счетчике и присвистнул: – Ого! 196. Слава богу, ты сразу перестала говорить. Еще несколько слов, и ты получила бы целый микрокулон!

Ей-богу, наши с Патриком представления о том, что такое «невыносимая боль», весьма различны!

Он все продолжал говорить, а я, молча прижимая пакетик с мороженым горошком к округлому пятну ожога, не сводила глаз с закрытой двери, за которой спала моя дочь. Там же сидели и мальчики – на этом настоял Патрик, желая быть уверенным, что, проснувшись, Соня не испугается и снова не начнет кричать. Никому не хотелось повторять номер «электрическая женщина»; и уж точно никто не хотел, чтобы исполнительницей главной роли в этом номере стала пятилетняя малышка.

– По-моему, в данном случае случилось вот что, детка. – Патрик снова попытался объяснить мне возникшую трагическую ситуацию. – Ты, должно быть, говорила и бежала так быстро, что этому проклятому устройству было за тобой не угнаться. – Я заметила, что глаза его полны слез. – Я намерен завтра же утром кое с кем серьезно об этом поговорить. Обещаю. Господи, мне так жаль, что с тобой все это случилось!

Мне понадобилась лишь какая-то доля секунды, чтобы представить себе, как электрический разряд швыряет мою крошку со стула на пол и она никак не может понять, почему ей так больно. При одной лишь мысли об этом внутренности мои точно залило жидким огнем. И с тех пор я стала действовать по принципу Павлова, сфокусировавшись главным образом на вознаграждении, как если бы дрессировала собаку. Тогда мне казалось, что так будет лучше.

И вот сегодня во время этого странного общения за обеденным столом я начинаю понимать, что незачем было так стараться и все это скрывать от Сони.

Слезы у нее каплют прямо в тарелку с нетронутым «мясным хлебом» и недоеденной картошкой, крупные детские слезы, похожие на дождевые капли.

– У тебя что-то плохое случилось? В школе, да?

Один кивок. Старательно задрала голову вверх, затем старательно ее опустила – это такое преувеличенное подчеркивание. Ничего, я сейчас выясню, что там у нее за тайны.

– Перестань плакать, малышка. Ну-ну, успокойся. – Я глажу ее по кудрявой головке, надеюсь, что это поможет, но больше всего мне хочется как раз заорать во все горло. – Может, тебе кто-то сказал что-то плохое?

С ее губ срывается еле слышный стон.

– Кто-то из девочек?

Я не убираю руки, и она, не пытаясь освободиться, отрицательно мотает головой. Значит, это не дети.

– Ваша учительница? – Я успеваю заметить ее взгляд – мимолетный, брошенный на Стивена, – и все сразу понимаю. – Стивен, сегодня твоя очередь убирать со стола, хорошо? – говорю я ему.

Он одаривает меня тем самым взглядом. Мужским.

– Пожалуйста, – прибавляю я, не особо надеюсь, что это поможет.

Но, как ни странно, взгляд его становится мягче, и он начинает собирать тарелки, стараясь сперва ополоснуть каждую, прежде чем складывать их в стопку в раковине. Он делает мне это маленькое одолжение, а я, глядя на него, все время вижу перед собой преподобного Карла Корбина и тот жест, каким он сегодня простер свою длань, предлагая мне присесть в моей собственной гостиной.

Предлагая, думаю я, и слова толпятся у меня в голове, точно буквы в игре «Скраббл». Предложение. Предположение. Предпочтение. Предосудительность. Преступление. Голову долой.

Близнецы без возражений присоединяются к показательной уборке посуды, которую устроил Стивен, и наконец-то мы с Соней остаемся наедине.

– Ну, как ты, дорогая? Все прошло? – спрашиваю я, касаясь рукой ее лба. Еще минуту назад моя девочка кипела, как банка с джин-тоником, забытая на крыльце в июльскую жару; но сейчас она уже немного успокоилась. Испарина исчезла, хотя и холодным огурцом в пупырышках ее тоже не назовешь.

Вот это-то и есть самое ужасное. То, что происходит буквально у меня на глазах, когда я замечаю, как опасно Соня следит за Стивеном, и как она сразу успокаивается, стоит ему сделать шаг в сторону кухни. Да, это самое ужасное, потому что теперь я понимаю, чего – кого! – действительно боится Соня.

Я ничего ей не говорю и ничего не спрашиваю; я лишь молча указываю кивком в сторону кухни, где Стивен отскребаёт с тарелок кусочки прилипшего мяса и картошки, напевая какую-то старую мелодию.

И Соня кивает.

Стивену было уже одиннадцать, когда на свет появилась его единственная сестра – он считался уже достаточно взрослым и почти достиг того возраста, когда и сам смог бы стать отцом, пусть хотя бы в биологическом смысле. Он отлично умел с ней обращаться, ему всегда удавалось её отвлечь и развеселить, и он без отвращения менял ей подгузники, сообщая мне: «Слышь, мам, тут кое-кто еще один подгузник изгадил!» Обычно лишь дети-близнецы пользуются своим особым языком жестов и знаков, но, как оказалось, мой старший сын как раз из числа таких детей, ибо именно так они с Соней и общались. Ей было не больше года, а у нее в распоряжении уже имелись знаки для всего окружающего мира: есть, пить, спать, кукла и – этот знак надолго остался ее любимым – ка-ка. Это был совершенно особенный жест, который Стивен еще и подкреплял настоящими словами, словно переводя с некоего примитивного языка. В общем, они создали настолько хитроумную систему общения, что никому, даже доктору Джин Макклеллан, так и не удалось разложить ее по полочкам.

А еще Стивен любил петь всякие старые песни, столь чудовищным образом их «осовременивая», что любая мелодия выглядела откровенным ублюдкой. Патрик однажды чуть не пролил свой утренний кофе, услышав пение Стивена.

Во-первых, он явно наслушался группы «Полис» с их «ду-ду-ду-да-да-да»; во-вторых, туда же вплеталась песенка Лу Рида о том, как «цветные девчонки» опять же поют свое «ду-ду-ду» – теперь эта песенка считается ультрарасистской, но в прежние времена знаменитому Лу Риду как-то удавалось отделяться от подобных дерьмовых обвинений; кое-что Стивен также позаимствовал у групп «Мотаун» и тех «белых» групп, которые хотели бы звучать, как будто они «Мотаун»; ну и, естественно, смешивал все это с разными современными песенками, авторы которых, споткнувшись на песенной лирике, стали заполнять пространство дурацкими детскими словечками,

рифмующимися, например, со словом «ка-ка». И, наконец, в этой какофонии все же чувствовалась индивидуальность моего сына, который не слишком музыкально напевал все подряд – от Брамса до Бейонсе – и тоже весьма охотно заменял каждое второе слово любимым словечком Сони: «ка-ка».

От этих воспоминаний о детстве Стивена и Сони мне становится вдвое тяжелей воспринимать настоящее, но я все же спрашиваю у дочки:

– Стивен приходил сегодня к вам в школу?

Кивок.

– Хочешь рассказать мне об этом?

Нет. Она не хочет.

– А историю перед сном послушать хочешь?

Это она хочет, и я отпускаю ее готовиться ко сну, довольно-таки тусклым тоном крикнув ей вслед, чтобы она не забыла почистить зубы. У Сони теперь своя ванная комната, и она полностью в ее распоряжении, поскольку и она, и близнецы уже достигли того возраста, когда детям особенно важно личное пространство для отправления интимных потребностей. Дверь в кабинет Патрика закрыта, и лишь слабо поскрипывает в петлях, когда Соня проносится мимо нее по коридору.

А я пока выясняю отношения со Стивеном. Возможно, это не совсем правильно с моей стороны, но я просто в бешенстве.

– Что случилось сегодня у Сони в школе, Стивен? – спрашиваю я, предварительно отослав Сэма и Лео смотреть телевизор, что они с удовольствием и делают – в основном потому, что без старшего брата, на свободе, могут вволю попереключать каналы.

Стивен пожимает плечами, но лицом ко мне не поворачивается, а смотрит в раковину.

– Мне бы хотелось получить более внятный ответ, деточка. – И я с силой беру его за плечо, заставляя повернуться.

И только сейчас я замечаю у него на воротнике маленький значок-булавку размером примерно с ноготь мизинца. На белом поле серебряный кружок, внутри которого одна-единственная ярко-синяя буква «И». Такой значок я уже видела и раньше.

Во-первых, по телевизору, еще во время того дурацкого эпизода, когда три, буквально ушибленные Библией, особы в приличных двойках были готовы разорвать Джеки Хуарес на куски. А потом, не прошло и недели, и я заметила, что такой же значок украшает одно из церковных платьев Оливии Кинг – она тогда как раз в очередной раз постучалась ко мне и спросила, не могу ли я одолжить ей яйцо.

Предполагалось, видимо, что этот значок со скромной синей буквой «И» станет неким символом единства Истинных, ибо его могут носить и мужчины, и женщины. Например, у дочери Оливии Кинг, Джулии, тоже есть такой значок, я также несколько раз видела его на разных людях – то в продуктовом магазине, то в химчистке, куда забегала за рубашками Патрика. А как-то на почте я наткнулась на доктора Клаудию, моего бывшего гинеколога, и даже у нее на лацкане жакета красовался такой значок, хотя я подозреваю, что муж Клаудии имеет куда большее отношение к выбору для нее подобного аксессуара, чем она сама. Я знаю, что «И» означает «истинный» – Истинный Мужчина, Истинная Женщина, Истинное Дитя.

Но я совершенно не понимаю, почему такой значок носит мой сын.

– И давно ты это носишь? – Я касаюсь пальцем значка у него на воротнике.

Стивен смахивает мою руку, точно надоедливую муху, и возвращается к своему прежнему занятию – соскребает с тарелок остатки пищи и загружает посудомойку.

– На днях получил. А что в этом особенного?

– Как это «получил»? Как приз? Или он с неба упал? Или ты его случайно в сточной канаве нашел?

Ответа нет.

– Знаешь, Стивен, подобные вещи просто так не раздают.

Слегка отодвинув меня плечом, он подходит к холодильнику, достает оттуда молоко, наливает себе полный стакан и залпом его осушает.

– Естественно, мам, просто так их не раздают. Такой значок заслужить нужно.

– Я поняла. И как же его можно заслужить?

Еще один стакан молока исчезает в утробе Стивена.

– Оставь немного для завтрашней каши, – говорю я. – Ты не единственный в этом доме.

– Так, может, тебе стоит сходить в магазин и принести еще? Это ведь твоя работа, верно?

Моя рука взлетает как бы сама собой и вступает в соприкосновение с правой щекой Стивена, на которой тут же расцветает яркий отпечаток моей пятерни.

А он, не моргнув глазом, не вздрогнув, не подняв руку, чтобы заслониться от пощечины, и вообще никак не отреагировав, спокойно заявляет:

– Отлично, мам. Просто отлично. Учти: когда-нибудь это будет считаться настоящим преступлением.

– Ах ты, маленький говнюк!

После этих слов все становится только хуже: он весь словно подбирается, заносчиво на меня смотрит и говорит:

– Хорошо, я расскажу тебе, как заработал этот значок. Я согласился, и меня завербовали. Да, мам, завербовали. Им требовались волонтеры из школы для мальчиков. Мы должны были ходить по школам для девочек и кое-что им объяснять. И в течение последних трех дней я посетил самые разные школы, демонстрируя девчонкам, как действуют эти браслеты. Смотри. – Он закатывает рукав и демонстрирует мне след ожога на своем запястье. – Обычно мы ходим парами и по очереди. И все это для того, чтобы девчонки, вроде нашей Сони, понимали, что с ними может случиться. – Он, явно бросая мне вызов, выпивает еще стакан молока и облизывает губы. – Между прочим, я бы не стал на твоём месте одобрять её стремление вернуться к языку жестов.

– Это еще почему, черт побери? – Я все никак не могу переварить тот факт, что мой сын сознательно подверг себя удару током, «чтобы девчонки, вроде нашей Сони, понимали, что с ними может случиться».

– Честно говоря, мам, уж ты-то лучше других должна была бы это понимать. – В голосе Стивена звучат чьи-то чужие интонации, кого-то значительно старше его, кого-то, уже уставшего объяснять всяким молокососам, каков нынешний порядок вещей. – Использование языка жестов и знаков разрушает истинную цель того, что мы пытаемся здесь создать.

Ну, естественно, разрушает!

– Понимаешь, я не могу вдаваться в детали, но есть проект создания новых... ну, этих ваших... устройств. Они станут больше похожи на перчатки. Большого я, правда, сказать не имею права. – Стивен выпрямился и гордо мне улыбнулся. – Но признаюсь, что вызвался стать волонтером для испытания этих новых устройств.

– Ты... что ты сделал?

– В старые времена это называлось «водительством», мам. Это желание быть всегда в первых рядах и руководить остальными. Именно к этому стремятся Истинные Мужчины.

Я просто не знаю, что сказать, и выпаливаю первое, что срывается с языка:

– Ах ты, ублюдок проклятый!

Стивен пожимает плечами.

– Да говори что хочешь. – И он с достоинством покидает кухню, оставив на кухонном столе грязный стакан и записку: «Купи молока».

Я замечаю, что Сэм и Лео торчат в дверях и смотрят на меня, так что заплакать я не осмеливаюсь.

Глава шестнадцатая

Почитав перед сном Соне и какое-то время полежав с нею рядом, я дожидаясь того момента, когда ее дыхание становится ровным – верный признак того, что она крепко спит, – и возвращаюсь в свою спальню. В нашу спальню. Хотя сегодня она полностью в моем распоряжении, потому что Патрик все еще у себя в кабинете, хотя уже скоро полночь. Вообще-то он крайне редко засиживается за работой так поздно.

Сегодня я размышляю о мужчинах.

Когда я укладывала близнецов в постель, Стивен по-прежнему сидел в гостиной – смотрел телевизор, поедая мороженое, и слушал какую-то беседу преподобного Карла с телезрителями. Видимо, мой сын считает этого человека героем и образцом для подражания. А что, они составили бы отличную парочку: оба весьма упорны в своих стремлениях и убеждениях, оба считают необходимым вернуться к былым временам, к той эпохе, когда мужчины были настоящими мужчинами, а женщины – настоящими женщинами, и, черт побери, глори-глори-аллилуйя, все было гораздо проще и лучше, когда каждый знал свое место. Я не могу ненавидеть Стивена только потому, что он поверил в нечто абсолютно неправильное, даже если мне ненавистно то, во что он верит.

Но ведь не все такие, как он; есть и совсем другие люди.

Вскоре после того, как Соня отпраздновала свой пятый день рождения и всех нас «оснастили» этими чертовыми счетчиками, я позвонила домой своему гинекологу, приготовив тщательно составленный список вопросов на этом

«пиджине», то есть максимально упростив предложения, избегая союзных слов и определений и вообще стараясь как можно быстрее добраться до сути. Я уже понимала, что записывающее устройство в моем браслете выловит каждое словечко, даже произнесенное еле слышным шепотом.

Бог его знает, что я ожидала от нее услышать? Да и что она, врач, наблюдающий меня более десяти лет, могла сказать? Возможно, мне просто необходимо было помолчать с ней вместе. Мне нужен был партнер по молчанию. А может, я просто хотела услышать, до какой степени и ей все это осточертело.

Доктор Клаудия сняла трубку, выслушала меня, и я услышала, как она издала негромкий стон, а потом в трубке раздался голос ее мужа:

– И кто же, по-вашему, в этом виноват?

Я стояла посреди кухни и молчала; мне хотелось все ему объяснить, но из осторожности я продолжала молчать, а он все говорил и говорил: мы слишком часто устраивали марши протеста, мы писали слишком много писем, выкрикивали слишком много всяких слов...

– Все это сделали вы, женщины. И вам необходимо дать хороший урок, – наконец заявил он и повесил трубку.

Я больше не стала звонить ей, не стала спрашивать, как им удалось заставить ее молчать. Может быть, они с топотом ворвались прямо в ее рабочий кабинет, а может, сперва заполонили ее кухню, а потом засунули ее вместе с дочерьми в микроавтобус, куда-то повезли и в плохо освещенной комнате с серыми стенами подробно объяснили, каково будет отныне их будущее. Затем надели на каждую блестящий браслет и отправили восвояси – пусть готовят еду, наводят порядок в доме и вообще ведут себя как Истинные Женщины, всегда готовые оказать мужчинам поддержку. И пусть как следует запомнят этот наш общий урок.

Доктор Клаудия сама ни за что и никогда не прицепила бы к воротнику такой значок, я в этом уверена; и я не сомневаюсь, что она сопротивлялась, но знаю также, что она его по-прежнему носит. Как, по всей видимости, и ее дочери, как и наша юная соседка Джулия Кинг. Я давно знаю Джулию и помню, как еще совсем недавно она носила низко посаженные джинсы и вызывающе короткие топики, как она гоняла на своем байке по улицам, на полную мощность врубив

свой MP3-плеер и с наслаждением подпевая группе «Dixie Chicks»; я помню, как она, подловив меня в саду, начинала рассказывать, до чего странно в последнее время ведет себя ее мать, и удивленно округлив глаза, говорила, что не может понять, как можно верить всей этой чепухе и нелепице насчет «Истинных» мужчин и женщин. А года полтора назад Джулию выследил отец; он застиг ее как раз за разговором со мной, схватил за руку и потащил за собой к задней двери дома, затянутой сеткой.

Я до сих пор помню, как она тогда кричала и плакала – наверняка Эван сильно ее избил.

Я слышу, как со скрипом открывается дверь кабинета и в коридоре раздаются шаги Патрика. Он явно направляется не в спальню, а на кухню. Вообще-то я могла бы тоже пойти туда, налить нам обоим чего-нибудь покрепче и рассказать о послеобеденном разговоре со Стивеном. Да, конечно же, мне следовало бы пойти и поговорить с Патриком; я прекрасно это понимаю.

Но не пойду.

Патрик в моей классификации – третий тип мужчин. Он не относится ни к истинно верующим, ни к этим убогим женоненавистникам, черт бы их побрал; он просто слабак. А я, пожалуй, предпочту думать о тех, кого слабаками не назовешь.

Так что сегодня, когда Патрик наконец ложится в постель и даже извиняется передо мной за опоздание, я решаю снова мечтать о Лоренцо.

Я никогда не могу понять, что именно вызывает у меня мечты о нем, что заставляет меня воображать, что это его руки, а не руки моего мужа обнимают меня всю ночь. Я не разговаривала с Лоренцо с того дня, который оказался моим последним днем в университете. Впрочем, был и еще один раз, много позже, но тогда уже никакого роскошества речевого общения даже не предполагалось.

Извиваясь, я высвобождаюсь из тяжелого кольца рук Патрика. Уж слишком этот жест похож на обладание, какой-то он чересчур собственнический. И потом, гладкая кожа Патрика, его мягкие руки врача, его тонкие светлые волосы – все это мешает мне мечтать, застилает путь моим воспоминаниям.

А ведь Лоренцо вполне мог уже и в Италию вернуться. Я совершенно не уверена, что он еще здесь. Уже два месяца прошло с тех пор, как я, следуя зову своего сердца и либидо, поехала на свидание с ним. Целых два месяца с тех пор, как я, рискнув всем на свете, трахалась с ним среди бела дня.

Не трахалась, Джин, а занималась любовью, ведь это была любовь, напоминаю я себе.

Все это с самого начала придумал он сам, это был его план – снова поехать в тот домик, который мы называли «будкой»; он снял его, еще когда с его ставкой приглашенного профессора все было в порядке. Он ужасно скучал здесь по возможности самому готовить – а он очень любит это занятие, – по морю, по итальянским апельсинам и персикам, которые зреют и наливаются на богатой, удобренной вулканическим пеплом почве и в итоге становятся почти такими же огромными, как солнце. А еще он тосковал по своему родному языку. Нашему с ним языку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Роман Стивена Кинга, в русском переводе называется «Жребий» (1975). – Здесь и далее прим. перев.

2

На американском школьном сленге «three R's» (reading, 'riting, 'rithmetic) означают «чтение, письмо, счет», то есть основу школьных знаний.

3

Хелкайя Крук (Helkiah Crooke) (1576–1648) – придворный врач английского короля Якова I. Его наиболее известная книга «Mikrokosmographia, a Description of the Body of Man» (1605).

4

Advanced Placement – экзамен, позволяющий перейти из колледжа в вуз; программа для поступающих в вузы.

5

Тряпичная кукла, созданная американским писателем Джонни Груэллом, 1880–1938, в качестве иллюстрации для серии его книг «История тряпичной Энни».

6

Жирный вторник (фр.) – празднуется за день до начала Великого поста; часто отмечается карнавалом.

7

Афазия – расстройство речи при сохранности органов речи и слуха, обусловленное поражением коры больших полушарий головного мозга; при моторной афазии утрачивается способность говорить, но сохраняется понимание речи; при сенсорной афазии нарушается понимание речи, а способность произносить слова и фразы часто сохраняется. Далее речь будет идти именно о сенсорной афазии, афазии Вернике.

Карл Вернике, 1848–1905 – немецкий ученый-невролог; зона Вернике – зона коры головного мозга, участвующая в работе с информацией, связанной с речью; расположена в заднем отделе верхней височной извилины доминантного полушария мозга; сенсорная речевая зона.

8

Базальтовая плита с параллельным текстом 196 г. до н. э. на греческом и древнеегипетском. С расшифровки Ф. Шампольоном, 1790–1832, иероглифического текста началось изучение древнеегипетских иероглифов.

9

Квартал на северо-западе Вашингтона в полутора милях от Белого дома, славится смесью различных культур и ночной жизнью (молодежными клубами и т. п.).

10

Reserve Officers Training Corps – мужские студенческие подготовительные подразделения в некоторых колледжах и университетах, готовящие студентов к службе в ВС.

11

1-е послание к коринфянам, 11-3.

12

Ливий Тит (59 до н. э. – 17 н. э.) – римский историк, автор «Римской истории от основания города».

13

Джеки Кеннеди-Онассис – вдова президента Джона Кеннеди, затем ставшая супругой греческого миллионера Онассиса.

14

Тетради или блокноты с синей обложкой, используемые в США при приеме экзаменов в колледже.

15

Американская актриса (1921–1986), лауреат премии «Оскар» 1953 года.

16

Гора Рашмор находится в горном массиве Блэк-хиллз в Южной Дакоте. В ее граните высечен гигантский барельеф высотой 18,6 м с четырьмя президентами США: Дж. Вашингтоном, Т. Джефферсоном, Т. Рузвельтом и Авраамом Линкольном.

17

Sport Utility Vehicle (спортивно-утилитарный автомобиль) – специфический северо-американский тип автомобиля, официально классифицируемый как легкий грузовик, так называемый «семейный автомобиль».

18

Отсылка к выражению «Хьюстон, у нас проблемы». Первоисточником выражения является фраза «Хьюстон, у нас проблема» («Houston, we've had a problem») командира американского космического корабля «Аполлон-13» Джеймса Лоуэлла, произнесенная им во время экспедиции на Луну в 1970 году.

19

Бейсбольная лига, в командах которой играют дети до 12 лет.

Купити: https://telnovel.me/dalcher_kristina/golos

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)